Гвардия, в огонь!

Автор:
Юрий Корчевский

Гвардия, в огонь!

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия (Юрий Корчевский) #1Героическая фантастика

Лейтенант Илья Миронов, офицер Росгвардии, едет с бойцами своего спецподразделения на полигон для отработки метания боевых гранат. Один из молодых солдат роняет гранату себе под ноги, и лейтенант прикрывает парня от осколков своим телом… А после взрыва Миронов приходит в себя от гула двигателей – мимо него проезжает колонна танков с крестами на башнях. Что это, снимают кино? Нет, Илья очутился в июне 1941 года. Красная Армия под натиском превосходящих сил отходит, и гвардеец начинает свою войну. Единой линии фронта нет, танковые клинья гитлеровцев глубоко рассекли позиции наших частей. Зачем пробиваться к своим, если враг вокруг? Гвардия, в огонь!

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия, в огонь!

© Корчевский Ю.Г., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

«Несчастный случай»

Служба Илье нравилась, спецназ Росгвардии – это почётно и реальную пользу видишь. Настоящая мужская работа, не штаны в офисе протирать. После училища внутренних войск попал по распределению на юг страны, где рядом горячие точки. Лейтенант, командир взвода. Старослужащие сначала приняли доброжелательно, но настороженно. Человек раскрывает себя после первого боестолкновения. На третьем месяце службы вертолётами перебросили их в Дагестан, где в селении засели боевики, четверо отпетых головорезов, пособников ИГИЛ. Отстреливались из каменного дома, прикрываясь женой и ребёнком одного из членов банды. Кабы не живой щит, влепить бы им из огнемёта «Шмель», называемого террористами «Шайтан-трубой», в окно, и все дела. Пришлось вести переговоры, бандиты уступили, отпустили женщину с ребёнком на руках. Одного из бандитов сразу снайпер снял из АС «вал», есть такая снайперская винтовка. Илья поближе подобрался, выстрелил из «Мухи» в окно. Получилось – одним выстрелом двоих уложил. Последний, четвёртый, сделал вид, что сдаётся. Вышел, демонстративно автомат бросил, руки поднял, вроде безоружен. Наши стрелять перестали. А Илья сбоку и сзади дома позицию занимает, видит – «сюрприз» для неверных у террориста за спиной в виде рюкзака со взрывчаткой и провод от него к руке тянется. Выхватил из кобуры «Грач» и выстрелил смертнику в голову. «Грач» – пистолет под патрон 9?19, такой же, как у «Парабеллума», более мощный, чем у «макарова». Ныне половина армий мира имеет пистолеты под такой патрон. Конечно, стрелять в туловище лучше, больше шансов попасть, но на самом террористе взрывчатка, может сдетонировать. Всё тогда получилось. Бандгруппу ликвидировали, сами потерь не понесли.

Только после этого бойцы отряда признали Илью за своего. А позывной он выбрал сам – «Буратино». Почему? Сам ответа не знал, пришло в голову. Во всех переговорах по рации сотрудники называли себя по позывным, бандиты запросто прослушивать могли. Хоть рации кодированный сигнал имеют, так и у бандподполья зачастую все электронные новинки есть.

Бо?льшая часть сотрудников отряда – офицеры, но были и сержантского состава, прапорщики, набранные из отслуживших срочную службу и проявивших себя в воинской специальности. Особенно ценились сапёры и снайперы. Для

снайпера особый склад характера нужен. Быть в тире и стрелять по неподвижной мишени многие могут, некоторые даже очень точно. Снайпер же на позиции должен замаскироваться умело, чтобы с нескольких шагов его позицию определить было невозможно. А потом ждать, иногда не часами, а днями, когда появится нужная цель. А цель не стоит на месте, движется. За секунды нужно определить дистанцию, выставить оптику и произвести выстрел. Иной раз на такую дистанцию, что просто меткий стрелок – из спортсменов или охотников – даже стрелять откажется. Обязательно попасть в жизненно важные центры – сердце, голову, чтобы наповал. Как правило, снайпер имеет право на один выстрел. С одного выстрела его позицию не засекут, не откроют ответный огонь. Впрочем, с появлением у снайперов бесшумного оружия ситуация улучшилась. Но всё бесшумное оружие имеет ограниченную дальность поражения.

Сапёр не менее значимая фигура. Террористы зачастую устраивают минные заграждения у своих схронов, в землянках. Взрывные устройства самодельные, с разными типами взрывателей. Найти и обезвредить их – настоящее искусство в военном деле.

Во взвод несколько дней назад прибыли новички – пять человек. Илья с вновь прибывшими и одним сержантом Сорокиным отправился на полигон. Надо проверить стрелковую подготовку бойцов, а ещё гранатную подготовку. Отстрелялись бойцы неплохо, двое из АКСУ, ещё двое из снайперских винтовок, а ещё один из автомата АШ-12, созданного по заказу спецслужб. Не оружие – зверь! Калибр 12,7 мм, имеет и бронебойные пули, и бесшумные патроны, а ещё имеет подствольный гранатомёт револьверного типа. Бойцы во взводе имеют разнообразное оружие, чтобы максимально эффективно выполнять поставленную задачу.

Цели у армии и спецподразделений разные. Задачи «спецухи» – обезвредить террористов и очень желательно, чтобы не пострадал ни один мирный житель, поскольку бо?льшая часть спец-операций проводится в населённых пунктах. А армия должна воевать с внешним врагом всей мощью – танками, авиацией, кораблями.

Начали бросать гранаты – на дальность и точность. Попробуй, попади гранатой на двадцать пять – тридцать метров. Илья стоял позади бойца, наблюдая за его действиями. Все бойцы с опытом, прошли службу в армии, потом в учебном подразделении Росгвардии. Стреляли многие, а гранаты бросали не все. Потому

бойцы волновались. Один бросил удачно. Два броска и обе гранаты попали в окно учебной деревянной избушки. После броска прятались в окопе, после взрыва поднимались. Второй бросил не так удачно. Взрыв, дым, а граната, что первая, что вторая, упали перед стеной. Случись в здании настоящий противник, он бы не пострадал.

– Сорокин, завтра с утра на полигон, будете бросать учебные гранаты.

– Так точно.

А с третьим бойцом случилась неприятность. И только реакция Ильи спасла обоих от неминуемой смерти. Боец выдернул чеку, бросил гранату. Щелчок взрывателя, а граната ударилась в бруствер траншеи, покатилась назад. До взрыва три с половиной секунды! Илья сильно толкнул бойца в боковое ответвление траншеи, сам упал на него. Взрыв! Чёрный дым, осколки ударили по деревянной обшивке траншеи. В глазах темно, в носу запах сгоревшего тротила. Илья потёр глаза. Почему темно? Поднял голову – нет, не ослеп, чего сразу испугался. Остаться слепым в его молодые годы страшно. Звёзды видны в разрывах туч. Сразу мысли нелепые в голову полезли. Если он жив, почему сержант и бойцы его бросили после взрыва? Пошарил вокруг себя руками. И бойца нет, а ведь он на него упал, прикрывая. Встал во весь рост, крикнул. Только голос хриплый, во рту сухо, как с глубокого похмелья. Едва не застонал от досады. Бойцы бросили своего командира! Позор! Вытурят из Росгвардии, в лучшем случае – понизят в должности, на бумажную работу. Ну, повинится, не досмотрел. Повинную голову меч не сечёт, тем более никто не погиб. Если он сам уцелел, то боец, как его… Игошин, тем более должен остаться без царапины. Определился с направлением, зашагал к КПП. Там должен быть прямой телефон с отрядом. Каких-то десять минут, он созвонится, пришлют машину. Но шагал и десять минут и двадцать. КПП нет. Если ошибся с направлением, то должна быть колючая проволока по периметру стрельбища и предупреждающие таблички: «Стой! Стреляют!». В душе горечь, обида, досада, но эмоции – плохие помощники. Снова посмотрел на звёздное небо. Вот полярная звезда, ему немного левее. И опять двадцать минут хода и безрезультатно. Остановился, осознавая, что происходит нечто странное. Может – не бить ноги, а переночевать? Утром видно будет, где он оказался.

Вдалеке послышался гул моторов. Явно автоколонна, которая движется. Илья двинулся на звук. Уж по-всякому к шоссе выйдет. Любая дорога имеет указатели и обязательно ведёт к населённому пункту. Он сначала шёл, потом побежал.

Кроме шума моторов стал отчётливо слышен лязг гусениц. По шоссе танки или гусеничные транспортёры идти не могут, потому что после прохода такой колонны асфальт будет разодран в клочья. Такое позволено только в боевой обстановке. Всё же выбрался к шоссе, когда колонна почти прошла. Почти, потому что мимо него громыхал гусеницами и нещадно ревел танк. Пока он не успел отдалиться, Илья рванулся за ним, уцепился за какие-то стальные выступы на корме, подтянулся, упал на железную решётку моторного отсека. Пыль, грохот, темнота. Стучать по броне или кричать бесполезно, танкисты внутри своей боевой машины не услышат. Придётся немного прокатиться незваным и безбилетным пассажиром. Перебрался поближе к башне, здесь не так трясло. Рано или поздно любая воинская колонна останавливается, на что рассчитывал Илья. Для заправки, проверки технического состояния, отдыха. Проехали какую-то деревню. Не горит ни один огонёк, впрочем – ночь, селяне спят. Да нет, не спят, такой грохот разбудит любого. Миновав мост, колонна прошла ещё несколько километров и остановилась в лесу. Один за другим заглохли моторы. С железным лязгом откинулись створки на боковом листе башни, показалась голова танкиста в танкошлеме. Илья собрался встать, как услышал голоса. Да не на русском, а на немецком. Сразу холодный пот прошиб. Немецкого он не знал, учил английский, но спутать немецкий с другим языком – испанским или французским – невозможно. НАТО ввело свои войска в Россию? Вероятность совместных манёвров он отверг сразу. Германия – член НАТО, вероятный противник. Осторожно прополз к корме танка, слез на землю. От брони моторного отсека идёт тепло. С одной стороны, повезло, танк в колонне был замыкающим. Потому отбежал по дороге и в лес. Прячась за деревьями, снова приблизился к месту, где стоял танк. Танкисты уже выбрались, кто закурил, кто оправлялся. Весело разговаривали, даже хохотали. И все разговоры на немецком. Илья ущипнул себя за руку, больно! Стало быть, всё, что он видел – в реальности. Рука сама потянулась к кобуре. В магазине «Грача» семнадцать патронов, ещё столько же в запасном магазине, что в кармашке на кобуре. Стрелять? А если это совместная акция? Замер в растерянности, лихорадочно соображая. Один из членов экипажа, скорее всего механик-водитель, зажёг фонарик, осмотрел ходовую часть.

– Гут!

Луч фонаря скользнул по башне, высветив крест. Впрочем, звёзды Илья и не ожидал увидеть. Впереди колонны свисток, круговые движения синим фонарём. Сигнал – заводи моторы, приготовиться к движению. Голова разрывалась от мыслей – где он, что происходит, что за колонна на дороге? Он один, из оружия – только пистолет. Что хорошо – в цифровом камуфляже. Такой одинаково

укрывает что в лесу, что в траве на поле.

Танкисты взобрались на танк, взревел мотор. До Ильи донёсся запах сгоревшего топлива. Точно не солярка. Наши танки и бронемашины, самоходные орудия, имеют дизеля, они экономичнее, крутящий момент выше, не такие пожароопасные. Хотя из рассказов фронтовиков или прочитанных мемуаров знал, что танк, хоть и железный, сгорает в пять минут. Танк дёрнулся, тронулся. Илья решился, бросился к боевой машине, снова со стороны кормы взобрался. У танков обзорность плохая. Наводчик орудия видит мир через прицел пушки, только механик-водитель и командир танка имеют возможность смотреть через узкие щели, прикрытые триплексом. Так что увидеть его танкисты не могли. Пока колонна двигалась, он пытался припомнить силуэт. Не «Леопард», это точно. Тот намного больше и пушка длинная. А у этого пушка не выступает за передний срез танка, просто окурок. Окурок! Где-то он читал применительно к танкам. Стоп! Такой силуэт и такое словечко явно сочетается применительно к немецкому T-III. Даже смешно стало. Больше семидесяти лет прошло с тех пор. T-III, которые могли двигаться своим ходом, были только в Кубинке, в танковом музее. А сейчас он видел сразу несколько штук в колонне, вперемежку с грузовиками. Постепенно начало доходить – он попал во времена Великой Отечественной войны. Слишком круто и необъяснимо. Сначала теплилась надежда – наши реконструкторы. Но откуда у них столько техники? Да и не говорили танкисты по-русски. Нет, у реконструкторов попросту не хватит денег восстановить до ходового состояния целую колонну – машины, танки. Стало быть – враги. Не хотелось верить, всё происходящее напоминало дурной сон. Между тем начало светать. Сзади послышался рёв моторов. Илья обернулся. Колонну догоняли два самолёта, пронеслись метрах в трёхстах выше, но он успел увидеть ненавистные кресты. Сомнения отпали. Надо действовать. Открылась крышка верхнего люка, показался командир из башенки. Если он оглянется, увидит Илью. Вытащив пистолет, Илья выстрелил ему в спину. Танкист рухнул внутрь башни. Теперь надо действовать быстро, пока экипаж не понял, в чём дело. Илья вскочил, заглянул в люк. В кабине темно, только слабый свет от приборной панели механика-водителя. Танкисты в чёрной униформе, плохо различимы. Но Илья предполагал, где могут находиться члены экипажа, все танки имеют определённые боевые посты. Стал стрелять – по месту водителя, заряжающего, стрелка-радиста, наводчика. Патронов не жалел. Остановился, когда были израсходованы все патроны в магазине и затвор замер в заднем положении. А танк двигался. И никто за рёвом двигателей и лязгом гусениц пистолетных выстрелов не услышал. Уничтожить бы ещё танк, да чем? Шоссе на этом участке прямое, Илья решился, залез в башню. Под ногами тела танкистов. Увидел гранатную сумку, снаряды в укладке. О! Сейчас он устроит

фейерверк. Вытащил из сумки гранату с деревянной ручкой, какие видел только в кино. Откинул колпачок на ручке, дёрнул шнур, сунул гранату к снарядам и стал выбираться. Вскочил ногами на сиденье командира, ухватился руками за борта танка, подтянулся, спрыгнул на моторный отсек, с него на землю. У танка скорость, как и у всей колонны, невелика, километров тридцать пять. Прокатился кубарем, гася скорость, и двумя прыжками в кювет. Запалы немецких «колотушек» горели долго, но получилось впритык. Хлопнул негромкий взрыв, потом ахнуло. Из открытого люка поднялся столб пламени, затем башню сорвало, и она тяжело грохнулась на дорогу. Танк прополз по инерции несколько метров и встал. Не увидеть или не услышать такой взрыв не могли. Колонна остановилась, послышались тревожные крики.

– Аларм!

Надо делать ноги. Илья помчался в сторону от дороги. Леса нет, по обе стороны поле. Пригибаясь, отбежал от дороги, упал в траву. К горящему танку подбежали немцы. Не приближаясь, посмотрели на танк. Явно пытаясь определить причину взрыва. Мина невозможна по определению, по шоссе прошли танки, и взорвался бы первый. Да и при взрыве мины разбиты катки, разорвана гусеница. Выстрела противотанковой пушки никто не слышал. Тем не менее один из командиров внимательно осмотрел местность в бинокль. Пушку здесь укрыть невозможно, если только в дальнем лесу, так до него километра три. Для пушки дистанция запредельная, редкая из них в 1941 году могла пробить броневой лист танка уже на восемьсот метров. Бурно пообсуждав, немцы разошлись по машинам, и колонна двинулась дальше. Тушить горящий танк было нечем и незачем. Подбитые танки немцы и наши ремонтировали, а сгоревший годился только на переплавку. Когда немцы уехали, Илья перевёл дух. Надо отсюда уходить. По шоссе с наступлением рассвета обязательно пойдут войска неприятеля, он же в голом поле. Пока спасает маскировочный костюм. Пожалел, что поторопился. Надо было забрать из танка патроны, по крайней мере, у командира танка и наводчика, он видел у них пистолетные кобуры. Патроны в них такие же, как у его «Грача», 9?19. И пару гранат за ремень заткнуть, а то взорвал всё добро разом, поторопился. А здесь баз снабжения нет, надо самому думать о харчах, пополнении боезапаса. Да и автомат немецкий следует приобрести, пистолет – оружие ближнего боя, по подвижной цели с полусотни метров уже попасть затруднительно. Пошёл через поле к лесу. Постоянно оглядывался – не видно ли очередной немецкой колонны? И снова ошибку допустил, не смотрел вверх. Внезапно рёв мотора, пулемётная очередь. Пули прошли рядом, в полуметре, взбивая пыль и комья земли. Над ним пронёсся на малой высоте «мессер». Илья сразу упал. Лётчик

описал полукруг, Илью не заметил, а может, решил, что убит. Самолёт улетел на запад. Не было привычки у бойцов антитеррористического отряда в небо смотреть, не обзавелись бандиты летательными аппаратами. Илья опыт учёл, боевые действия быстро учат самосохранению. Всё же до леса добрался уже без приключений. Шёл по опушке. Полагал – рано или поздно выйдет к жилью – селу, деревне, хутору.

Уже через полчаса бодрого хода наткнулся на хутор. Какое-то время стоял за деревьями, наблюдал – нет ли немцев? Из избы периодически выходил старик. Ходил по двору. Илья решился, подошёл, поздоровался.

– Здравствуйте!

– И вам долго жить!

Такого ответа раньше Илья ни от кого не слышал. Старик подслеповато прищурился.

– Вот не пойму я, ты командир или как? Форма на тебе непонятная.

– Командир.

– А где же твоя часть, почему драпаешь от немцев? Твоё место на фронте, а ты на хутор пришёл.

– Получилось так.

– Ага, были у меня вчера двое, навроде тебя. Так форму сняли и винтовки бросили. Выклянчили у меня одежонку, переоделись в цивильное и ушли. Вояки!

Дед витиевато выматерился.

– А какой сегодня день? – спросил Илья.

– Добегался! Двадцать пятое июня. Год-то хоть помнишь? Али забыл с перепуга?

– Ты меня не совести. Я танк сегодня ночью уничтожил вместе с экипажем.

– Фу-ты, гнуты, спасибо тебе большое! – начал изгаляться дед.

– Ладно, извините.

Илья повернулся, собираясь уйти.

– Погодь! Ты сегодня ел что-нибудь?

– Не пришлось.

– На пустое брюхо воевать – последнее дело. Заходь!

Раз пригласил дед, можно зайти. Дед уже в избе показал на рукомойник.

– Мой руки и сидай. Я быстро.

Дед налил из чугунка полную миску щей, щедро нарезал ржаного хлеба.

Илья набросился на еду. Вкусно! Опростал миску да два больших ломтя хлеба. В голову мысль пришла.

– Вас как звать?

– Илья Никанорович.

– Стало быть – тёзки. Я тоже Илья. Форму, что бойцы сняли, можно посмотреть?

– Смотри, не жалко. Думал сжечь. Ежели немцы нагрянут, за форму и винтовки вздёрнуть могут. Я в Первую мировую с ними воевал. Сильные вояки, шапками их не закидаешь.

Дед принёс из соседней комнаты узел. Илья форму осмотрел – помятая, выпачканная на коленях землёй, видимо – поползать пришлось бойцам. Один комплект почти его размера.

– Примерить можно?

– Валяй.

Дед деликатно вышел. Илья свой комбез снял, надел чужую форму. Пришлась в самый раз, только пахла чужим телом – потом, оружейной смазкой. На петлицах два треугольника, сержант. И петлицы чёрные, инженерные войска. Ремня только не хватает и сапог. У него берцы. В РККА носили ботинки с обмотками. С берцами форма будет смотреться нелепо. Со вздохом чужое обмундирование снял, ощутил что-то твёрдое в кармане. Расстегнул пуговку, вытащил красноармейскую книжку. Видимо, боец решил дезертировать, бросил форму, оружие, документы. Красноармейскую книжку переложил в карман комбинезона, надел свою форму. В ней привычней. На комбезе ни погонов нет, ни звёздочек, можно сказать – рабочая одежда для полевых выходов. Всё же привык он к своей форме, почувствовал себя увереннее.

– Что? Не подошла одёжа? – появился старик.

– Не, в своей буду. А винтовку не дадите?

– Дам. Думал в ручье утопить.

Старик вернулся с двумя трёхлинейками. Илья отвёл затвор, магазин полон. Из второй винтовки выщелкнул все патроны, аж пять штук.

– Патронных сумок не оставили бойцы?

Дед развёл руками.

– На том спасибо, Илья Никанорович.

– Удачи тебе, сынку. Выживи только и немца прогони.

– Прогоним, только война долгой будет, тяжёлой.

– Она, подлая, всегда такая.

Вот же обалдуй! Не спросил про место, где находится.

– Прости, отец. А где я? Город какой рядом, район?

– Неуж карты нет? В трёх верстах по прямой Воложин. Вчера громыхало там сильно.

Вот теперь можно идти. Что за Воложин, в каком месте Белоруссии город находится, Илья представления не имел. Винтовка оттягивала плечо. Винтовка хороша для выстрела дальнего, прицельного. Но лучше автомат заиметь. Винтовка не может создать высокую плотность огня, не зря же в Российской армии винтовки остались только у снайперов, да и то ни Мосинские трёхлинейки, а Драгунова, самозарядные. А уж штык гранёный вообще анахронизм. Им только колоть можно. Ни проволоку разрезать, ни банку консервов вскрыть, ни втихую часового снять.

Три километра в указанном дедом направлении Илья прошёл быстро. Показались окраины города. Кое-где видны дымы, потом проехали несколько мотоциклистов. Мотоциклы с колясками, в них пулемётчики. Похоже, город занят немцами. Илья решил дождаться темноты, войти в город. Главная задача – добыть карту. Без неё – как без рук, привык. Пусть она на немецком, название всё равно прочитать можно – населённого пункта или реки.

В бытность курсантом Илья читал записки Судоплатова, увлёкся, читал документы. Умный человек, какие диверсии придумывал! Три раза его едва не расстрелял НКВД. Несколько положений запомнил твёрдо. Когда немцы стали брать наши войска в клещи, потом окружать и методично уничтожать в котле, наши военачальники приказывали окруженцам прорывать кольцо окружения, пробиваться к своим. Сколько жизней было положено при выполнении этой директивы, сколько боевой техники брошено из-за отсутствия топлива, непроходимой местности. В Белоруссии полно рек и речушек, обилие болот. Если человек ещё пройдёт, то техника застрянет или утонет. А зачем? Тратить силы и время, когда вокруг враг. Бей его! Нет оружия и боеприпасов – захвати у врага. Воюя в окружении, подразделения оттягивали бы на себя врага, как гири на ногах, не давали продвигаться вперёд. У немцев и оружие и провизия, так забери силой. Немец так же смертен, как любой человек.

Илья решил действовать по судоплатовским правилам, уж очень они ему импонировали. Тем более ни к какой воинской части он приписан не был, дезертиром или пропавшим без вести не числился. А выйди к своим, начнутся проверки. Он же не знает ни командиров частей, ни других мелочей и проверки не выдержит. Будет партизанить, хотя в современном понятии слово приобрело, скорее, негативный оттенок. Когда военкоматы призывали мужчин для переподготовки, такие великовозрастные призывники называли себя партизанами. Почти у всех семьи, у некоторых лысина и пузцо, строевой выправки нет. Партизаны и есть.

Понаблюдал Илья за окраиной города до вечера. Немцы вели себя по-хозяйски и, похоже, ничего не боялись. Ну да это вам не Франция или другие европейские страны. Начало темнеть. Илья заметил, что группа мотоциклистов расположилась на ночлег в большом длинном одноэтажном доме, скорее, здании артели или небольшого производства. У входа стояло десятка два мотоциклов, прохаживался часовой. На каждом мотоцикле двое военнослужащих, получается, внутри – взвод. Сколько мотоциклов, столько пулемётов. В стрелковой роте Красной армии по штату четыре ручных пулемёта, а у немцев – пятнадцать на взвод. Правда, мотоциклисты – разведчики, у них штатное расписание другое, не как у пехоты. Немцы пускали впереди наступающих частей моторазведку. Не пёрли напролом, выискивали обходы укрепрайонов, расположение наших батарей. В 1941 году до глубокой осени единого фронта наступления не было. Немцы проламывали оборону танковыми клиньями и быстро продвигались вперёд, иной раз по пятьдесят-сто километров за сутки. Бороться с танками было нечем, пушек катастрофически не хватало, как и гранат, а противотанковых гранат практически не было. В Минском и Белостокском котлах РККА потеряла 324 тысячи военнослужащих, или 11 стрелковых дивизий, 2 – кавалерийских, 6 – танковых и 4 – моторизованные. А с ними 3332 танка и 1809 орудий разного калибра.

Илья решил подобраться к мотоциклистам под покровом тёмноты, убрать часового, обыскать мотоциклы. Наверняка хоть в одном найдётся сумка или планшет с картой. Планшет – это не современный гаджет, а кожаная сумка, раскладывающая-ся как книжечка, одна сторона – под целлулоидом, под ней – карта. Удобно – не испачкается, не замокнет под дождём.

Подкрался к стоянке около полуночи, залёг. Ровно в полночь часового сменили, эта пресловутая немецкая пунктуальность. Часовой немного походил, позёвывая, потом опёрся на коляску мотоцикла, замер. Мотоцикл крайний в

ряду, часовому всю стоянку видно. Момент удобный. Илья бесшумно подобрался, что умел делать и делал не раз. Ножа нет, из пистолета стрелять глупо, все мотоциклисты сразу выбегут, и удастся ли самому уйти – ещё большой вопрос. Но Илья обучен был, мог убить противника голыми руками, что и проделал. Зашёл со спины, кинулся, схватил за подбородок и шею, рванул в сторону, услышав хруст позвонков. Тут же подхватил обмякшее тело, бережно опустил на землю, чтобы ни одна железяка не звякнула. Тут же стянул с часового ремень автомата, забросил через плечо MP 38/40. Снял подсумок с магазинами, нацепил на свой поясной ремень. Винтовку предусмотрительно оставил в кустах, слишком длинна, только мешать будет. Начал медленно обыскивать мотоциклы. В шестом или седьмом по счёту повезло. На сиденье коляски лежала сумка, раскрыл. Удача – карта топографическая. Ремешок сумки перебросил через другое плечо, дабы не потерялся ценный трофей. Тихим шагом удаляться стал, потом остановился. Он на своей земле, а враги рядом, спят. Как упустить такую возможность? Если бы не пулемёты на вертлюгах колясок, может бы и ушёл. Вернулся, осмотрел пулемёт. MG-34, неплохая машина, надёжная. Один раз он даже стрелял из такого. Думал – только в музеях сохранились. А обнаружили схрон бандитский, а там взрывчатка, «калаш» с откидным деревянным прикладом и MG с коробкой патронов. Всю ленту отстрелял ради интереса. Пулемёт потёртый был, видавший виды, а ни одной осечки не дал. А как начались события на Украине, видел западенцев с MP 38/40, карабинами Маузера, даже пулемётами MG. Уже потом радикалы-нацисты разграбили армейские склады, вооружились современным оружием.

Со знанием дела откинул крышку, заправил ленту. Ну, с Богом! Хоть и не верил, а довелось – вспомнил. Спокойным шагом вошёл в здание. Небольшой коридор, за ним дверь, из-под которой пробивался слабый свет. Приоткрыл дверь, через щель осмотрел. На столе аккумуляторный фонарь. На полу вповалку мотоциклисты. Стальные шлемы с мотоочками рядом с изголовьем, там же автоматы. Кому придёт в голову спать с оружием на ремне, через грудь? В импровизированной казарме храп стоит, пахнет ваксой для сапог, потом. Пора. Илья дверь распахнул, вскинул пулемёт, нажал на спусковой крючок. Грохот выстрелов, пороховой дым, пламя из пламегасителя на четыре стороны. Некоторые успели вскочить, но Илья жал на гашетку и водил стволом, пока не кончилась лента и пулемёт не щёлкнул вхолостую затвором. Никто не шевелился, не стонал. Илья бросил пулемёт, выскочил на улицу. Через несколько домов лаял остервенело пёс, испуганный выстрелами. Ни один житель не выглянул. Уже пробегая мимо стоянки, Илья снял пулемёт, вскинул на плечо, в свободную руку взял коробку с пулемётной лентой. Прихватил бы больше, да третьей руки нет. Сразу побежал. Теперь надо уносить ноги. Илья

перестраховался. Полевая полиция – гехаймфельдполицай, не успевала идти за первым, наступающим эшелоном своих войск. А только у неё были спецы, обученные идти по следу собаки. Илья же, пробежав пару километров, наткнулся на ручей, пробежал по нему вверх по течению метров двести. Только вымок зря. Зато потом отдышался под сосной. Славная ночь выдалась. Взвод мотоциклистов выбил, трофеи, ценные для него, добыл. Карта и пулемёт с автоматом – приобретение нужное. Всё рассмотрит завтра, а сейчас спать. Устал, да и слишком много за последние сутки событий произошло.

Так и уснул, но спал чутко. Птицы и зверьё лесное, напуганное звуками войны, ушли подальше от людей, в леса глухие, только ёжики шастали, шелестели листвой.

Утром проснулся, как привык, в шесть тридцать по московскому времени. Сделал небольшую зарядку – прогнать сонливость. Сначала осмотрел автомат. Видел его в музеях, в кино, но в руках держал впервые. Отсоединив магазин, взвёл затвор. Ага, огонь ведётся с заднего шептала, как на нашем «ППШ». В обращении оружие простое. За изучение карты взялся. Топографическое исполнение великолепное. У рек, кроме названий, обозначено направление течения, глубины, скорость течения, мосты. И на местности каждая мелочь отмечена, вроде отдельно стоящих деревьев, заводских труб. Не прихоть, а отличный ориентир для артиллерийских корректировщиков. Деревни, хутора, грунтовые дороги обозначены. Единственный недочёт, для него лично, – всё на немецком.

Определил своё местоположение, найдя на карте Воложин. Убегал из города он на север. Даже ручей обнаружил. Ткнул пальцем. Предположительно он здесь. Недалеко деревня, километрах в пяти. Хотелось есть, кушал он вчера на хуторе у деда, потому направился к деревне. Хоть кусок хлеба выпросит. Понятно, что у селян самих с едой плохо, да наверняка побирушки вроде него донимают. Из окружения, из разбитых частей сейчас многие на восток идут и не по дорогам, на них немцы сейчас, а по тропам или вовсе без них. Трофейное оружие ощутимо отягощало, но он привык. В оперативной группе, когда забрасывали во время операции к аулам или лесным массивам, груза на себе побольше нести приходилось – рюкзак с провизией, спальник, рацию, запас патронов, оружие. Получалось в итоге килограммов сорок-пятьдесят, да по горам. В группе никто не курил, иначе дыхалки не хватит. А, кроме того, табачного запаха не было, по которому их засечь могли.

К деревне вышел точно, хоть и компаса не было. Залёг в кустах на опушке, с полчаса понаблюдал. Обычная деревенская жизнь – хрюкают свиньи, мычат коровы, на единственной короткой улице роются в пыли куры, изредка появляются селяне. То женщина бельё развешивает на верёвках, то мужик в возрасте дрова топором колет. Всё спокойно, можно выходить. Подошёл к крайней избе, на заборе кувшины сушатся.

– Эй, хозяева! – крикнул Илья.

На крыльцо вышел мужчина.

– Чего надо?

– Покушать не дадите?

– Ступай отсюда, кончилась ваша власть!

И в избу зашёл. Западные районы Белоруссии были присоединены к СССР только в 1939 году, по пакту Молотова – Риббентропа. Некоторые успели в Польшу перебраться, чтобы не жить при советах, другие остались, но власть не приняли. Ну и ладно. Первоначально было желание шлёпнуть. Из таких получались предатели и полицаи. Но этот-то пока не полицай и стрелять его не за что. Может, он не только советы не любит, но и немцев. Илья зашёл в другой двор. Из избы вышел хозяин.

– Наконец-то освободители пришли! – вскричал он.

Хм, ещё один из пронемецки настроенных. Илье интересно стало, почему его за немца приняли.

– Откуда ты знаешь, что я немец? – коверкая русский язык, спросил Илья.

– Ну как же! На голове не пилотка и не фуражка, оружие опять же не трёхлинейка. Заблудились, господин немец?

– Разведка!

Илья приложил к губам палец. Мол – тайна. Хозяин закивал.

– Не изволите в хату пройти?

– Изволю.

Уж играть роль немца, так до конца. На комбинезоне никаких нашивок у него нет, но вот кепи в Красной армии не было, а немцы носили, полевой головной убор для офицеров, а также егери и полицаи. Ай-яй-яй! А попади ему навстречу бойцы или командиры Красной армии, могли бы и обстрелять. Надо обзаводиться пилоткой или фуражкой, как опознавательным знаком «я свой». И камуфляжная раскраска на комбинезоне не похожа на военную тех лет. Нечто похожее было у немецких парашютистов, их форма отличалась от армейской, поскольку курировал десантников министр авиации Герман Геринг. Хозяин засуетился, выставил на стол варёную картошку, тонко нарезанное сало, домашнюю колбасу, бутыль мутноватого самогона, хлеб, чашку малины. По деревенским меркам просто царский стол. Илья сытно поел, отведав всего, а кольцо колбасы съел полностью. Хозяин присесть за стол с гостем не решился, стоял рядом, подобострастно взирая. Когда Илья встал, хозяин попросил.

– Вы уж, господин немец, властям своим передайте, в нашей вёске все поголовно против советской власти и немецким порядкам будем рады.

– Данке, – бросил одно из немногих немецких слов, которые знал, Илья.

Ткнул пальцем в грудь хозяина.

– Фамилия?

– Матусевич.

– Я передам оккупационным властям. За помощь немецкому солдату тебя назначат старостой.

– Слушаюсь! – вытянулся во фрунт хозяин.

Илья покинул деревню. Ну, дела, да тут гнездо немецких пособников. Надо запомнить, может пригодиться впоследствии. Шёл пока бесцельно, получалось – на восток. Километра через три вышел к перекрёстку грунтовых дорог. Разбитые машины, трупы военнослужащих Красной армии. Похоже, поработала немецкая авиация – воронки от бомб, борта автомашин в пулемётных строчках, в основном сверху попадания, по кабинам, капотам. Семь машин, около полусотни трупов. Кто уцелел – ушли. Зрелище гнетущее, не для слабонервных. Мухи тучами кружатся, запашок ужасающий. Да Илья не из брезгливых. Все машины осмотрел, все сидоры вытряс. Добычу – четыре гранаты Ф-1, фляжку с водкой в пустой сидор сложил. А ещё пилотку новую в кабине нашёл, с красной звездой. Её надел на голову сразу, а кепи без сожаления оставил. Не пригодится оно ему, война ещё долго длиться будет.

Похоронить бы погибших по-христиански, да невозможно. Чтобы всех упокоить, надо не братскую могилу рыть, а целый котлован. Одному работы не на один день. Отошёл немного, пилотку с головы сдёрнул, обернулся к разбитой машине, поклонился, отдавая дань памяти.

Километра через три перекрёсток грунтовых дорог. Присел на обочине, карту трофейную развернул, чтобы сориентироваться, да не успел. Слева раздался треск мотоциклетных моторов. Быстро планшет с картой застегнул, расставил ножки у пулемёта, взвёл затвор. От мотоциклистов убегать бессмысленно. Выставил прицел на сто метров. Из-за пологого поворота показались мотоциклы с колясками. Один, два …шесть. На каждом по два солдата в клеёнчатых плащах, на головах угловатые каски, мотоочки. Немцы! У наших тоже были мотоциклисты – для связи, даже целые мотоциклетные полки. Но у немцев насыщенность моторами и рациями была велика. Если в РККА полковая и дивизионная артиллерия была почти вся на конной тяге, то у немцев пушки таскали тягачи, колёсные и гусеничные. Рации – на каждом танке, бронемашине, самолёте, на значительном числе мотоциклов, используемых для разведки. В пехотных частях обязательно присутствовал авианаводчик с рацией. Стоило танкистам или пехоте столкнуться с очагом сопротивления, немедленно вызывались бомбардировщики, чаще всего «Юнкерсы-87». Пикировщики бомбили точно, наводились авианаводчиком. После бомбёжки немцы продвигались дальше. Без поддержки танков или самоходной артиллерии пехота немецкая в атаки не ходила, генералы берегли солдат.

Илья подпустил немцев поближе. Сам лежал в придорожном кювете, фактически немцами не замеченный. Поймав первого мотоциклиста на мушку, открыл огонь.

Мотоцикл вильнул, съехал в сторону, ударился о дерево, перевернулся и загорелся. Видимо, бензин потёк из бензобака и попал на раскалённую выхлопную трубу. И немцы со второго мотоцикла погибли сразу. Третий мотоцикл затормозил, пулемётчик в коляске к пулемёту приник, да Илья опередил. Пули легко дырявили тонкое железо коляски, пулемётчик погиб первым, водитель вскочил и получил свою порцию свинца. Зато экипажи других мотоциклов среагировали быстро. Загнали мотоциклы в лес, рассыпавшись короткой цепью, стали приближаться к Илье. Не стреляли, но перекрикивались между собой. Как жаль, что он не знал немецкого языка, сейчас бы знания пригодились, но, увы. Один немец неосторожно показался из-за сосны, и Илья его срезал короткой очередью. Как он понял, немцы хотели обойти его с двух сторон, и пока одна часть отвлекала бы его на себя, другие подобрались с тыла. Илья оставил пулемёт, чтобы видели – на месте он. А сам быстро пополз по кювету. Метров через двадцать выглянул осторожно. Двое немцев подбираются к покинутой позиции, Илья вырвал чеку гранаты, метнул лимонку, сам упал на дно кювета. Ф-1 – оружие сильное, оборонительного действия. Из всех гранат самая сильная и причём не самая большая. Хлопок, осколки ударили по деревьям, сбивая листву. Истошно закричали немцы. Илья выглянул. Один немец недвижим, второй лежит, держится за ногу, просит помощи. О! Чеченский вариант. Их снайперы специально ранили наших солдат, хотя могли убить. А когда к раненому подбирались другие солдаты на помощь, отстреливали их.

Илья стянул с плеча автомат. Лежал тихо, выжидал. На помощь раненому побежал, прижимаясь и петляя, его товарищ. Вытащив из кармана перевязочный пакет, стал оказывать помощь. Пять минут тишины. Решился второй немец, перебежал дорогу, приблизился к раненому. Пострадавшего надо выносить вдвоём, сам идти не сможет. Илье все трое хорошо видны. Прицелился, дал короткую очередь, потом ещё. Броском стремительным перебежал дорогу, свалился в кювет. Вслед прозвучала очередь из автомата, взбив фонтанчики пыли. Но уже мимо, Илья в безопасности. По его подсчётам, немцев осталось двое. Попытаются с ним разделаться? Вероятно, но сомнительно. Немцы любят превосходство значительное в силах, подавляющее. Стало быть – они вернутся к мотоциклам. Если есть рация, вызовут подкрепление. А ежели нет, уедут и вернутся с помощью. Вот этого допустить нельзя. Это разведчики. Илья сделал крюк по лесу, стараясь не упускать из вида место, где немцы оставили мотоциклы. Сам передвигался бесшумно, как учили в училище, а позже натаскивали на практике в отряде. Ни одна веточка не шелохнулась, ни один сучок под ногами не треснул предательски. Уже мотоциклы отчётливо видны. Залёг, выжидал. Немцы не знали, где он, вели себя осторожно. Но к мотоциклам вышли. И куда им деваться? Пешком ноги бить не привыкли. Да и смелые

поначалу были, в леса совались. Это позднее их окруженцы и партизаны отучили. В начале войны немцы рассчитывали на силу, передвигались по ночам, нередко без защиты танков. В сорок втором уже изменили тактику – только днём, большими колоннами, с обязательным прикрытием танками или бронетранспортёрами. Нашей авиации не боялись, потому как господствовали в воздухе. За несколько дней Илья видел и бомбардировщики и истребители немецкие, а наших самолётов ни одного. Обидно было.

Озираясь, держа оружие на изготовку, к мотоциклам приблизились два солдата. Грамотно шли, между ними дистанция метров пять, одной очередью не снять. Илья дал очередь по первому, тот ближе всего был. Второй успел среагировать, сам дал очередь из автомата. Пули сбили кору с дерева, а одна угодила в автомат. Илья его отбросил, перекатился за ствол сосны. Немец кричит.

– Русиш! Сдавайся!

Ага, хрена тебе лысого! Илья выхватил из кобуры «Грача». В училище, да и потом в отряде, патронов для тренировок не жалели. Это одно из условий выживания при боестолкновении. Из пистолета он попадал в пятирублёвую монету на десяти метрах. Конечно, были в отряде спецы более меткие. Сам видел два случая. Один из офицеров подбросил пустую консервную банку, второй вы-хватил пистолет и стрелял в неё, не давая упасть. Банка кувыркалась, подскакивая от удара пуль, пока не кончились патроны в магазине. У тех, кто видел, челюсти отвисли. А второй раз повесили на мишенный щит надутый воздушный шарик. Один из офицеров отошёл метров на сто пятьдесят и первым же выстрелом попал. Для пистолета дистанция запредельная. Не каждый стрелок из карабина или автомата попадёт. Так что было у кого поучиться. Вот и теперь, передёрнув тихо затвор, чтобы не клацнул, выкатился из-за сосны и сразу три выстрела. Немец, укрывавшийся за одним из мотоциклов, вскрикнул и упал. Прикидывается или ранен? Живой он Илье не нужен. Допрашивать нет возможности из-за незнания языка. Да если бы и смог, как и куда передать данные, полученные от немца? Лёг, под мотоциклом увидел тело, всадил в него две пули. Подобрался ближе, выглянул из-за мотоциклетной коляски. Готов фриц, из-под него кровь течёт, явно крупный сосуд задет. Подошёл, толкнул ногой, голова безжизненно мотается. Ногой автомат оттолкнул. На плечах у убитого серые погоны с окантовкой и одна четырёхугольная звезда. Явно не рядовой. Но в училище звания немецкой армии времён Второй мировой войны не изучали, иначе бы знал – фельдфебель пехоты перед ним, вроде старшины на наши звания. Облокотился Илья на коляску. Одолел он разведывательный дозор,

хотя непросто получилось. От немчуры едва пулю не схлопотал прямо в живот, кабы не автомат. Почувствовал, что возбуждён, во рту слегка пересохло. Пару минут перевёл дух, затем мотоциклы досматривать начал. Ого! Да в багажниках колясок чего только нет! И коробки с пулемётными лентами и консервы – мясные и рыбные, ром и коньяк, а ещё галеты и шоколад. Есть хотелось. У одного из немцев снял с пояса нож в ножнах, повесил на свой ремень. Нож – он всегда пригодится – банку консервов вскрыть, часового по-тихому снять. Вскрыл банку ножом, оказалось – ветчина. С галетами, поддевая куски ветчины ножом, съел с большим аппетитом. Запить бы чем-то, галеты пресные и сухие. А воды нет. Откупорил пробку с коньячной бутылки, сделал три крупных глотка. О, хорош коньяк. И вкус, и запах великолепные. Начал наклейку изучать. Ба! Коньяк-то французский. Видимо, немцы убитые во Франции успели побывать. А может – трофеи с коньячных заводов. Спиртное по жилам пробежало, взбодрился. Выпить больше нельзя, опьянеет, и бросить такое добро жалко. В одной из колясок ранец обнаружил из телячьей кожи, клапан отстегнул, вытряхнул из него всё. Сложил найденную провизию и бутылку коньяка. Выдернул у одного из убитых брючной ремень, связал им две полные пулемётные коробки. Если перебросить через плечо, вполне нести можно. И что, что тяжело, больше таскал. В пулемёте, из которого стрелял, третья часть ленты осталась. Заменил на новую, патронов много не бывает. Под одним из мотоциклов кожаную сумку заметил. Труп немца перевернул, ремешок сумки снял, открыл. Да здесь карта. И получше, чем у него, карандашом отметки. Для разведчика более драгоценной добычи не бывает. Стрелки, обозначающие удары, – клинья немцев, номера дивизий, корпусов. Едва не застонал от досады. Эти бы сведения нашим передать. Но рации нет, а и была бы, толку что? Он не знает частот наших радиоцентров, у него нет позывного, да и координаты все в немецкой масштабной сетке. Кто ему поверит, если была бы связь? Примут за подставу, фальшивку, пошлют по-русски подальше.

Взгляд упал на мотоциклы. Велик был соблазн не пешком идти, а ехать. Но мысль отбросил, по нескольким причинам. Первая – за треском мотора опасности не услышит, а вторая – куда ехать? К своим? Из документов у него красноармейская книжка дезертира, что дед отдал. Ну, прибьётся к своим, поскольку сплошной линии фронта нет. А после первой же проверки военной контрразведки или частей по охране тыла засыплется на допросе. Командира части или батальона не знает, где дислоцированы были – не знает, где бой приняли – не знает. Кто разбираться будет? Шлёпнут, как немецкого разведчика или дезертира. Такой участи не хотел. Есть возможность воевать в тылу у немцев? Есть!

Илья надел лямки ранца, на одно плечо перекинул коробки с пулемётными лентами, на другое – пулемёт. А ещё на шее ремень автомата, что поперёк груди висит. Попрыгал. Железо погромыхивало, но не сильно. А никакой возможности стук устранить нет. От перемены положения оружия ничего не изменится. Посмотрел с сожалением на мотоциклы. Харчей много остаётся. А ещё технику бы сжечь, да дым далеко виден будет, только себя обозначит.

По карте направление он определил, двинулся по дороге на северо-восток. Видел – там большие лесные массивы есть, укрыться можно. Дорога вскоре к деревне вывела. Присматривался – противника не видно. Всё же обошёл деревню лесом и не прогадал. Не успел ещё миновать, как по дороге к деревне два грузовика с солдатами подъехали. Грузовики здоровенные, солдат много, навскидку – два взвода. Ему бой вести не по зубам. А жертву себе надо выбирать по силам, не то подавишься. Так и продолжил путь до вечера. Остановку сделал в лесу. Ещё банку консервов съел, на этот раз рыбных. Вкусно! Коньяка глотнул. Показалось – ноги не так гудят. Ноги на дерево задрал, так быстрее отдохнут. А потом обустроил себе лёжку под деревом. Как стемнело, уснул. Спал чутко, часового нет, а взять человека спящего – проще простого. С первыми лучами солнца проснулся, поел. Начала мучить жажда. Быстро собрался и в путь. Вскоре ручей попался, напился вдоволь. Жаль – вода тиной отдаёт, видно, ручей брал начало в болоте.

Глава 2

«Золотой обоз»

Пока шёл, обдумывал своё нелёгкое положение. Настоящий изгой. К своим, в действующую армию, нельзя. Не этого времени человек. Самого учили допрашивать, а в боевых условиях можно допрашивать с пристрастием, товарищ Сталин разрешил. Он же серьёзного допроса не выдержит, а специалисты в органах были. Про сотрудничество с немцами думать грешно, он патриот своей страны. Хотя слово это испачкали, замарали либералы всех мастей. К партизанам податься? Так нет их ещё, с начала войны несколько дней прошло, не успели организоваться. А одному плохо. Ни базы снабжения нет, ни казармы, даже землянки, где от непогоды можно укрыться. Благо погода по-летнему тёплая и дождей нет. А пойдут ливни, вымокнет, а обсушиться негде. Не хватало

только простуду поймать. Аптек нет, как и больниц. Кроме того – остановись он на ночёвку в каком-нибудь доме, не исключал предательства. Немцы в деревнях объявления вешали – за укрывательство командиров и красноармейцев смертная казнь, а кто выдаст, тому награда. Сложная ситуация. По размышлении понял – ему недалеко от немецких маршевых частей и гарнизонов держаться надо. Немцы – они и цель для уничтожения, и база снабжения провизией и бое-припасами. А лес, куда он изначально стремился, где укрыться надёжно можно, лишь временная лёжка, дух перевести.

Сзади послышался далёкий шум моторов. Немцы? Илья выбрал удобное место для засады. Обочь лесной дороги было поваленное дерево. То ли ураган выворотил дерево с корнем, то ли по старости само упало. А только там, где корни были, осталась яма, практически готовый окоп. Спрыгнул туда, пулемёт установил, выложил сбоку пару «лимонок». Попробуй выковырять его из этой позиции. И отступить всегда можно, ствол лежащего дерева прикрывает путь отхода со стороны дороги. Шум моторов всё слышнее. Автомобиль явно не один. Вот показался грузовик, за ним ещё один и ещё. А грузовики-то наши, советские, «ЗИС-5», трёхтонки. Моторы ревут надсадно, скорость невелика, километров тридцать, хотя дорога позволяет ехать быстрее. Приблизились. Вроде и груза не видно, а осели кузова на рессорах. В передней кабине двое, на правом крыле ещё один, в тёмно-синей форме. У первого в небольшой колонне грузовика пар повалил из-под капота. Не доехав полусотни метров до Ильи, грузовик встал, мотор заглох. Вынужденно остановились и другие машины. Объехать невозможно, деревья не дадут. Из кабины выбрались водитель в армейской форме и человек в штатском, в очках на носу. Наши, точно не немцы. И по одежде, и по разговору. Обрывки фраз долетали до Ильи, особенно когда человек в тёмно-синей форме стал ругать водителя.

– Второй раз из-за тебя останавливаемся!

А далее текст вовсе не печатный. Немцы так виртуозно материться не умеют. Илья решил выйти из укрытия, если его обнаружат, хуже будет, решат – сделал засаду. Он сначала подумал – в грузовиках вывозят ценное оборудование или документы. Всё же скорее оборудование, уж больно тяжело нагружены машины. Для начала покашлял демонстративно, потом крикнул.

– Кто такие?

У машин сразу суета, люди сразу за машины попрятались, крик оттуда.

– А сам кто такой? Выходи с поднятыми руками!

– Руки ни перед кем поднимать не буду, один человек сюда, на переговоры.

– У нас оружие! Приказываем!

– А у меня пулемёт.

Пулемёт, это серьёзно. Одной ленты с избытком хватит, чтобы машины в металлолом превратить, а сопровождающих в «груз двести». У машин угрозу осознали. От колонны отделился человек в тёмно-синей форме, зашагал в сторону Ильи.

– Стой! – скомандовал Илья, когда незнакомец приблизился.

Человек встал. На ремне револьвер в кобуре, но человек пулемёт увидел, реальную опасность оценил. Илья поднялся, ловко выпрыгнул из ямы, пошёл навстречу.

– Старшина Новогрудского райотдела милиции Остапчук! – вскинул руку в фуражке милиционер.

Илья сообразил быстро. Свои современные документы предъявлять нельзя. Из нагрудного кармана вытащил красноармейскую книжку дезертира, протянул старшине. Милиция всегда больше верит документам, чем словам. Остапчук книжку взял, прочитал. Фотографии в документах не было, и сличить фото с лицом невозможно. Старшина книжку вернул с видимой неохотой.

– Ты один, сержант?

– Один. Группа была, да пока отходили, на немцев наткнулись, бой был.

– Так это у тебя трофеи? – показал рукой на пулемёт милиционер.

– Трофеи, взятые с боем, – кивнул Илья.

– Не подскажешь, где мы?

– Едете, а не знаете куда? – удивился Илья. – По моим прикидкам, до Лепеля десяток километров.

– А наши где, ну – линия фронта?

– Нет линии, немцы клиньями наступают.

– Плохо, – огорчился милиционер. – У тебя пожевать ничего не найдётся?

– Вояки! Вы откуда добираетесь? Даже харчей взять не успели, драпали.

Старшина сверкнул глазами зло, но не ответил на обидные слова. Илья к яме подошёл, спрыгнул, поставил на край ранец.

– Забирай. Подхарчиться хватит. С тобой сколько человек?

Троих с передней машины он точно видел, в двух других тоже двое-трое человек. Итого – почти десяток. Каждому по банке консервов достанется. Старшина на вопрос не ответил, ранец подхватил, к грузовикам пошёл. Не слышал? Или специально отвечать не хочет, секретность блюдёт. А какая, к чёрту, секретность, если они в немецком тылу? И в любой момент на них наскочить может мотоциклетная разведка или маршевая рота на грузовиках? По широким, мощёным дорогам, вроде Брест – Минск – Смоленск – Москва, техника немецкая идёт сплошным потоком. По мере продвижения наши войска пытаются если не остановить их, то задержать. То заслон поставят жидкий, взвод пехоты и пушку – сорокапятку, то бомбардировщики для бомбёжки пошлют. Некоторые немецкие подразделения, выполняя приказ, шли просёлочными дорогами. Илья сунул в карманы комбинезона гранаты, поднял пулемёт на плечо, пошёл к грузовикам. Напроситься в попутчики. Однако от первой машины выступил милиционер с трёхлинейкой.

– Стоять! К машинам не приближаться!

Илья крикнул.

– Остапчук! Можно с вами подъехать?

– Не положено, – появился из-за грузовика старшина.

– А харчи мои жрать положено? Я не из военпрода.

– Груз у нас особый, не могу! – развёл руками старшина.

– Тьфу! – сплюнул Илья.

Раз так, пешком пойдёт. Да что у них за груз такой, что секретность выше крыши? Если партийные архивы, так их лучше сжечь. Или уголовные дела? Тоже сжечь! А что ещё может сопровождать милиция? В начале войны неразбериха была, даже паника. Приказы на места шли дурные. Начали партийные документы вывозить, нет чтобы людей и предприятия эвакуировать. Не хотят, не надо.

Развернулся и пошёл. Минут десять-пятнадцать прошагал, как сзади выстрелы раздались. Сначала винтовочные, одиночные, затем автоматная очередь и пулемётная стрельба. На грузовиках пулемёта не было. Немцы? Бросить своих в беде не в его правилах. Побежал назад, стрельба всё отчётливее. Бой уже близко, как бы не нарваться на случайную пулю. Забежал в лес и, лавируя между деревьями – к месту остановки грузовиков. Худшие опасения подтвердились. Недалеко от грузовиков три мотоцикла с колясками. Немцы! Отслеживали колонну или случайно вышли? Впрочем, Илье без разницы. Положение у него удобное, в тыл мотоциклистам вышел. Один в коляске сидит, ведёт огонь из пулемёта, другие с мотоциклов спешились, подбираются к грузовикам, постреливают из автоматов. Самый опасный сейчас – пулемётчик. Илья прижался левым боком к дереву, для устойчивости, очередь в спину пулемётчику дал. Тут же огонь перенёс на других. Двух успел точно срезать. Ещё трое сразу на землю попадали. Теперь получалось, сами в кольце. Впереди грузовики с вооружённой охраной, сзади пулемёт, явно не дружественный. Илья длинную очередь дал туда, где немцы скрылись в густой траве. Укрываясь за мотоциклами, подобрался поближе, сорвал чеку с лимонки, бросил. Ахнул взрыв. В ответ ни выстрела. Оставив пулемёт, с автоматом направился в сторону немцев. Бросок гранаты оказался точным. Двое убито, один ранен. Илья добил его, с врагом миндальничать нечего. Тем более ни в плен его не возьмёшь, ни в госпиталь не сдашь.

Со стороны автоколонны ударил выстрел, пуля ударила в ствол дерева, недалеко. Илья пригнулся, побежал к грузовикам. Встав за дерево, крикнул.

– Остапчук! Не стреляйте, я сержант Сафронов. Убиты немцы, можете не опасаться.

Несколько секунд тишины, потом голос.

– Убили старшину. А не ты ли мотоциклистов навёл?

– Ты не дурак ли? Навёл, а потом сам расстрелял?

У грузовика тихий разговор, совещаются.

– Выходи, стрелять не будем.

Илья автомат на плечо повесил, вышел. За грузовиками убитые лежат, в форме, два человека. Ещё один, в армейской зелёной форме сидит, прислонившись к колесу автомашины. Один из водителей ему перевязку делает прямо поверх обмундирования. Ранение в живот и кровопотеря сильная. Как ни прискорбно, но Илья знал – не жилец водитель. Если бы рядом больница была, можно было спасти. Ранения в живот всегда тяжёлые и смерть мучительная. Боеспособных осталось в колонне три человека. Два водителя и штатский в очках. Илья грузовики обошёл. На одном колесо пробито, на досках кузова пробоины от пуль. Если колесо поменять на запасное, вполне ехать можно. Ухватился за борт, встал на колесо, приподнялся, заглянул в кузов. Груз брезентом затянут от любопытных глаз. Откинул угол брезента – зелёные ящики плотно, в три ряда по высоте уложены, похожи на снарядные. Но боеприпасы милиционеры не сопровождали бы.

– Кто старший в колонне? – подошёл к водителям Илья.

– В кабине сидит, в очках.

Илья к грузовику подошёл, дверцу кабины открыл.

– Вы старший?

– Я.

– Куда направляетесь?

– Не могу сказать, государственная тайна.

– Да мне всё едино, помочь хотел.

Илья спрыгнул с подножки. Разбирайтесь сами. Доразбирались уже, досекретничались, двое убитых тому подтверждение. А взяли бы Илью, такого бы не случилось. Очкарик осознал, что с двумя водителями три грузовика не уедут, выпрыгнул из кабины.

– Товарищ, не знаю, как вас величать.

– Сержант Сафронов.

– Вы водить умеете?

– Могу.

– Тогда попрошу вас помочь. Нам надо выбраться к своим.

– Да бросили бы вы свои архивы или сожгли, выбирались сами.

– Не бумаги это, ценности банковские, – вырвалось у очкарика.

Илья вернулся к грузовикам.

– Вот что, бойцы. Грузите убитых и раненого в кузов. Я сейчас за пулемётом схожу и вернусь. Да, колесо поменяйте.

Бойцы переглянулись. Илья вообще человек незнакомый, а командует. Да кто он такой? Но подчинились, выбора не было. Илья обшарил коляски мотоциклов, забрал всё съестное. Набил два полных ранца, отнёс в кабину грузовика.

Вернулся за пулемётами, прихватил из мотоциклов коробки с патронами. Когда вернулся, водители уже заменили колесо на запасное, закручивали футорки, потом опустили домкрат.

– Всё, можно ехать.

Илья спросил у штатского.

– Как вас звать?

– Павел Филиппович.

– Запомню. Конечная цель какая? Город или банк?

– Всё равно, главное – попасть к нашим и сдать груз в любой банк. Мне расписка нужна, что ценности сдал.

Человека понять можно. Пропадёт груз, банковского сотрудника искать будут хоть до окончания войны. Что бумажные деньги? Тлен. Сгнить, сгореть могут, да типографии госбанка их напечатают. А золото, серебро, драгоценные камни – действительно ценности. За поставленные США по ленд-лизу оружие, самолёты, тушёнку, танки, СССР расплачивался золотом. Последние слитки золота из потопленного английского крейсера «Эдинбург» доставали уже в бытность Ильи, он помнил телерепортажи об этом событии.

Илья уселся в кабину, развернул немецкую карту. Где-то недалеко Лепель, районный центр. Чей он? Под немцами уже или обороняют его наши? Хотя бы радио послушать. С началом боевых действий, уже на третий день, президент США Ф.Д. Рузвельт заявил, что его страна окажет помощь СССР поставками техники и необходимых материалов, в этот же день, 24 июня, в Москве образовалось решением Ставки Совинформбюро, которое всю войну передавало сведения о боевых действиях на фронтах. Однако слушать сводки можно было только по проводному радио. С началом войны населению приказали сдать в органы милиции оружие и радиоприёмники.

В допотопном грузовике всё непривычно. Стартёр запускался круглой педалью на полу. Коробка передач требует навыка, поскольку синхронизаторов не имеет.

Но тронулся. Мотор тянул хорошо, грузовик тяжело переваливался на неровностях. Илья в зеркало поглядывал за двумя грузовиками сзади. Добрались до узкого деревянного моста через реку. Илья, памятуя о том, что была остановка из-за перегрева мотора, остановил машину. На горловине бензобака висело резиновое ведро, сделанное из старой камеры. Сбегал к реке, долил воды в радиатор. Бегать пришлось дважды, видимо, – была где-то в системе охлаждения небольшая утечка. Медленно переехал через мост, переживал – выдержит ли? Наверняка не был рассчитан на изрядную нагрузку. Обошлось, все три грузовика перебрались. Через полчаса тихого хода впереди показалась деревня. Илья грузовик остановил.

– Пойду, гляну, нет ли немцев, – предупредил он Павла Филипповича. А то как бы не влипнуть.

Прихватил только автомат, пулемёт тяжёл.

Деревня на открытом месте, лес в сотне метров, а с других сторон поле с несжатой пшеницей. Понаблюдал немного, опасности не увидел. Решил в деревню зайти. Размеренным шагом до крайнего дома добрался. На лавке у дома дед сидит с малолетней внучкой.

– День добрый, – поздоровался Илья.

– И тебе здоровья, – отозвался дед.

Внучка, девочка лет шести, смотрела на незнакомца с интересом.

– Немцы в деревне есть? – спросил Илья.

– Ещё не видели, – вздохнул дед.

– До Лепеля далеко?

– Километров пятнадцать.

– А как деревня называется?

– Затеклясье.

– Спасибо.

Название у деревни заковыристое. Но главное – узнал. Сейчас на карте сориентируется. Отправился назад, к грузовикам. Половину пути одолел, как услышал звук моторов. Причём в небе. Остановился, голову поднял. Десяток «Юнкерсов-87» на восток летят, их сопровождает пара истребителей. Илья проводил их ненавидящим взглядом. Наши войска полетели бомбить. Один из «мессеров» отделился от остальных самолётов, описал полукруг на снижение, стал пикировать на грузовики.

– Воздух! – закричал Илья. – Все из машин!

Да разве услышат его на таком расстоянии? И ещё за рёвом мотора. «Мессер» снизился, открыл огонь из пулемёта, бросил бомбу и сразу вверх свечой ушёл. Вот гад! И не лень ему было! Бомба, одна-единственная, угодила точнёхонько в первый грузовик. Илья побежал к машинам, поглядывая на небо. Истребитель атак не повторял.

Грузовик разворотило на фрагменты, только рама искорёженная осталась и одно заднее колесо. А вокруг – осыпь из монет, как будто пеплом посыпано. Илья поднял одну монету. Серебро, пятьдесят копеек, 1924 года чеканки. Так вот что в ящиках было. Драгоценный запас, а не бумаги. Светлая память Павлу Филипповичу! Илья пилотку с головы стянул. Собирать монеты? Смешно. Здесь не одна тонна. Да и соберёшь, куда складывать? Крикнул.

– Бойцы! Живы?

Из леса вышли сконфуженные водители. Когда «мессер» пикировать стал и из пулемёта стрелять, инстинкт самосохранения сработал, кинулись из машины за деревья. Осмотрели грузовики. У второго в колонне лобовое стекло пулей пробито, как раз напротив сиденья водителя. Был бы в кабине – убило. Ни пулемёта нет, ни харчей. А подкрепиться бы не помешало. Но главное – сам жив.

– Бензин есть?

– Километров на сто осталось. И канистра запасная в кузове, – ответил Прохор, водитель второго грузовика.

Впрочем, уже первого. Потому что от первого ничего не осталось.

– Тогда едем.

Илья в кабину уселся, на пассажирское сиденье. Ни Илья, ни водители не знали, что этим днём третья танковая группа Гота ворвалась в Минск с северо-запада, а вторая танковая группа Гудериана вошла в столицу Белоруссии с юга. Десятая армия Западного фронта РККА оставила Белосток и отходила с боями к Волковыску и Зельве. Немецкая 9-я армия, наступающая на Гродно, севернее Слонима соединилась с 11-й армией Клюге, двигавшейся от Бреста, и отрезала пути отхода 3-й и 10-й армиям РККА.

Двум автоколоннам с банковскими ценностями чудом удалось не угодить в котёл. События развивались стремительно. Уже двадцать девятого июня Гудериан продолжил наступление на Бобруйск. Группа немецких армий «Центр» сжимала кольцо, методично уничтожая части Красной армии, попавшей в окружение западнее Минска. Часть окружённых прорвала немецкие позиции и вышла к Ново-Борисову. За упущения по обороне 30 июня был арестован и вскоре расстрелян командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов.

Панику в населённых пунктах, среди военнослужащих, вносили действия полка «Бранденбург-800». Состоял он из диверсантов, свободно говорящих по-русски, как на родном, и одетых в форму бойцов и командиров Красной армии. Они резали проводную связь, убивали наших командиров, при встрече с красноармейцами кричали.

– Окружают! Танки!

Танков боялись, поскольку действенных способов вывести их из строя не было. Пушек, как и снарядов, остро не хватало – разбомблены были в большинстве своём в артиллерийских парках в первые дни войны. Противотанковые ружья ПТРД и ПТРС начали поступать в войска только осенью. И «коктейли Молотова», горючую смесь в бутылках, начали производить лишь в июле. Из-за безысходности делали связки гранат, усиливая мощь, бросали под гусеницы. Броню обычные гранаты не пробивали, но попробуй ещё добросить связку

гранат под траки, когда танкисты всё пространство перед собой густо накрывали пулемётным огнём.

Илью здорово выручала трофейная карта, по ней он прокладывал маршрут. Одна беда – Лепель значился у обреза карты. По мере продвижения немцев на восток карты заменялись на другие, с более глубинными районами Советского Союза.

Илья подумал – придётся из-за карты рисковать, убить ещё кого-нибудь из офицерского или младшего командного состава, у рядовых карт не бывает, если только у разведчиков.

К исходу дня впереди показался город. Илья приказал водителю остановить машину. Следом остановился другой грузовик.

– Бойцы, взять оружие, охранять груз.

Водители взяли трёхлинейки, встали у машин. М-да, если наскочит противник, покрошат из пулемётов или автоматов вмиг. Автоматы, тот же ППД, был в войсках редкостью. Армейские генералы считали пистолеты-пулемёты оружием полицейским, смотрели презрительно, выпуск их был крайне мал. После финской войны отношение к оружию изменилось. Финны вооружали лыжные отряды автоматами «Суоми», проникали в наши ближние тылы, и потери от автоматного огня противника наши войска несли большие. Спохватились, а только оборудование быстро на выпуск автоматов не перестроишь, а требовались миллионы экземпляров и десятки, а то и сотни миллионов патронов к ним. А ещё один урок преподали «кукушки», как называли финских снайперов. Урок пошёл впрок, на заводах стали выбирать винтовки с кучным боем, оснащали их снайперскими прицелами. Опять узкое место – выпуск прицелов невозможно быстро нарастить, нет оборудования и специалистов.

Во многом из-за того, что в военном руководстве принимали решения такие, как маршал Будённый, бывший фельдфебель царской армии, не имевший военного образования, зато коммунист с классовым чутьём. Не понимали такие руководители роли танков, перспективного вооружения, полагали – конница будет царствовать на полях сражений.

Илья уже в сумерках приблизился к городу, полежал, понаблюдал. Со станции отправлялись в тыл эшелоны с эвакуируемыми людьми, станками предприятий.

По улицам проезжали отечественные машины – «Эмки», полуторки, «ЗИСы». Значит, не занят ещё город. Вернувшись к грузовикам, сказал:

– Бойцы, немцев в городе нет. Можно ехать. Можно попробовать сейчас, а лучше утром. В темноте могут принять за противника, обстреляют.

Рисковать ценным грузом не захотели, решили ждать до утра. Обе машины с дороги загнали под деревья, на опушку. Спать устроились водители в кабинах, Илья в кузове, на ящиках, под брезентом. Жестковато, но не привыкать. Спал чутко, фактически дремал. Под утро рёв мотора. Илья вскочил, водители тоже выбрались из кабин. По звуку – танк, уж больно рёв мотора утробный, мощный, потом уже слышно стало лязганье гусениц. Сразу вопрос – наш или немецкий? Танк прогромыхал мимо грузовиков, метров через сто остановился.

– Бойцы, вы на охране. Я взгляну.

Илья, держа наготове автомат, побежал к танку. Мотор стальной крепости работал на холостых оборотах, Илья повёл носом – соляркой воняет. У немцев техники на тяжёлом топливе не было, уже хорошо. Но немцы могли захватить танк и ворваться в город на нём. Откинулся люк, смутно замаячила фигура танкиста. Шлем чёрный, комбинезон чёрный, да ещё темно. Видимо, танкист отдал команду по внутренней связи, мотор заглох. Тишина, только потрескивает выхлопная труба. Танкист выбрался из башни на корму, на моторное отделение. Окрик Ильи застал танкиста врасплох.

– Эй, руки вверх!

Танкист замер. Из танка да в темноте обзорность скверная. А после грохота двигателя и слух снижен, и для него окрик Ильи прозвучал как гром среди ясного неба. Танкист руки поднял.

– Да ты чего, браток? Свои мы, наши части ищем.

Из люка выглянул второй танкист.

– Старшина, что за разборки?

– Сам не пойму, вроде дозор.

– Старшина, ко мне! – приказал Илья. – Предъяви документы!

Приказывать старшине мог только вышестоящий по званию. Старшина спрыгнул с брони, подошёл, достал документы. Опа! Только сейчас Илья понял – допустил оплошность. Фонарика для подсветки нет. Какой толк был требовать документы?

– Кто такие?

– Отдельный батальон тяжёлых танков. Из-за Минска отходим.

– От Минска полторы сотни километров, – заметил Илья. – Сражаться надо, на фронте танков нет, а ты в тыл.

– А чем стрелять-то? Снарядов нет, горючки нет. На честном слове сюда дотянули. Сказали, в Лепеле на нефтебазе солярка есть, а на станции вагоны со снарядами.

Илья повертел документы старшины в руках, вернул.

– Старшина, вы хоть один танк фашистский подбили?

– Три! Если бы светло было, поглядел бы на броню. Весь лоб корпуса и башни в отметинах. Не берут нашу броню их танковые пушки. Таких бы машин побольше, остановили бы фрицев.

Танк был огромен, но разглядеть его в темноте не удавалось, а интерес был.

– Товарищ командир, – обратился к Илье танкист.

В темноте званий не видно, танкист справедливо решил, что Илья по званию выше.

– В Лепель можно следовать?

– На дороге мин нет, но в темноте могут принять за немца, подобьют.

– Сам так же думаю. Значит – ждём рассвета.

– За вами ещё два грузовика пойдут.

– Да хоть три, – хохотнул старшина.

– Как ваша фамилия, старшина?

– Иванов. На мне вся Россия держится.

Танкисты выбрались из танка. Мало того, что обмундирование чёрное, так и лица закопченные от пороховых газов. В темноте и не различишь, только блики глаз заметны. Илья вернулся к грузовикам.

– Как рассветёт, двигаемся за танком.

Бойцы духом воспрянули. Откуда им было знать, что у танка боекомплект иссяк?

Звёзды на небе стали бледнеть. Запели пичуги в кустах.

– Заводите моторы, пристраивайтесь за танком, – распорядился Илья.

Сам вскочил на подножку с пассажирской стороны. Танкисты грузовики увидели, полезли в танк. Заревел мотор, выпустив клуб сгоревшей солярки. Жуть, дышать нечем!

Танк шёл медленно, грузовик трясло. Илья с трудом удерживался, держась одной рукой за борт кузова. Танк увидели из города и услышали, Илья видел, как засуетились на окраине. Да потом разглядели очертания. Тем более за танком «ЗИСы» идут. До города двести метров, пора. Илья спрыгнул с подножки, едва устоял на ногах, пилотка слетела с головы. Искать её в зарослях полыни не стал. Мимо проехал второй грузовик, водитель посмотрел на Илью удивлённо. Однако Илья знак остановиться не дал, и машина проехала. Илья постоял, посмотрел, как танк, а за ним грузовики, въехали в Лепель. Всё, свою задачу он выполнил. Водители сами найдут банк или городское руководство, пусть те сами решают,

что делать с ценностями.

Илья зашагал по дороге назад. Хотелось есть, а ещё бы побриться, щетина за несколько дней выросла изрядная.

Решил зайти в какую-нибудь деревню по пути. Посмотрел по карте – есть такая, немного в стороне. На перекрёстке свернул. Деревня в десяток домов показалась, остановился на опушке понаблюдать. Постоял с десяток минут, немцев не видно. Только хотел двинуться к домам, сзади голос.

– Автомат брось!

Твою мать! Как чужак подобрался неслышно? А ещё Илья себя спецом считал! Автомат с плеча сбросил.

– А теперь пистолет!

Кобура на боку висит, человеку сзади видна. Придётся подчиниться.

– Только медленно, а то башку продырявлю!

Илья клапан кобуры расстегнул, пистолет вытащил, на землю бросил.

– Ногой пушку откинь!

И это приказание выполнил. Мужчина говорит по-русски. Илья бы мог выстрелить, когда «Грач» доставал. Но вдруг сзади свой, окруженец?

– Повернись!

Илья медленно повернулся. Перед ним мужчина в ватнике, обросший, по виду – уголовник, блатной. Кисти рук в наколках, во рту железные фиксы на обеих челюстях, взгляд злобный. В руке револьвер держит, штатное оружие младших командиров в армии.

– Что-то ты какой-то мутный, не пойму. Вроде форма на тебе непонятная, знаков различия нет, а по-русски понимаешь.

Незнакомец палец на спусковом крючке держит, курок взведён, потому сейчас надо время тянуть, выбрать удобный момент. Наверное, блатной сбежал из тюрьмы или с этапа. В начале войны особо опасных зэков расстреливали, других по возможности вывозили в наш тыл вагонами. Поезда подвергались бомбардировке, поэтому возможность сбежать была.

– Ксива есть?

Илья полез в нагрудный карман, достал красноармейскую книжку, бросил её блатному. Когда уголовник пытался документ поймать, отвлёкся на секунду от Ильи. Вот он, момент! Илья мгновенно выхватил нож, без замаха, снизу, от бедра, кинул. Мощно, с закруткой, как учили. Урка среагировать не успел, дистанция невелика. Недоумённо посмотрел на нож в груди и рухнул навзничь. Илья кинулся к нему. Раненый враг опасен, как зверь на издыхании, может нанести смертельный удар. Илья забрал револьвер из руки блатного, откинул дверцу барабана, прокрутил. Всего два патрона. Выкинуть оружие жалко и носить семьсот грамм железа из-за двух патронов накладно.

К оружию Илья относился серьёзно, с уважением. После стрельб всегда чистил, смазывал, лелеял. Для его специальности оружие необходимый инструмент, как для монтажника дрель или для дворника метла. Только если дворник метлу сломает, заменят. А для Ильи или его сослуживцев, если оружие осечку дало или перекос патрона при подаче из магазина, почти как смертный приговор. Бой на короткой дистанции, городской, он скоротечный и времени перезарядить пистолет или автомат просто нет. И каждая секунда в большой цене. Илья вытащил нож из тела, обтёр клинок о ватник, вложил в ножны. Обыскивать уголовника было неприятно, от него дух тяжёлый шёл. Кто в тюремной камере сидел, запах имеют своеобразный, стойкий, какой несколько месяцев держится, как ни мойся. Никаких документов при убитом не оказалось, что утвердило в подозрении о побеге. Человек, освобождённый законно, всегда имеет при себе справку об освобождении, для него это замена паспорта. А у блатного во внутреннем кармане ватника Илья обнаружил пачку денег, но не в банковской упаковке и потрёпанных. Наверняка кого-то ограбил, а то и убил. Илья деньги бросил рядом с убитым. Зачем они ему? На территории, подконтрольной немцам, советские деньги будут не в ходу, введут оккупационные марки. Да и не собирался он ничего покупать, отберёт у противника силой. Двинулся к деревне.

В сёлах жизнь продолжалась. Как можно не накормить птицу или не подоить корову-кормилицу? Только притихли селяне, между сёлами и деревнями движения почти никакого нет. Если идёт обоз, так с беженцами, а если разношёрстная автоколонна – наши отступающие части, коих немного Илья видел. Немцы наступали клиньями, сосредотачивали ударную силу – танки, на одном направлении, взламывали оборону и стремились идти дальше. Чресполосица возникала – то наши, то немцы. Из жителей кто мог уйти, уходили на восток. Скотину с собою гнали, а то и бросали, жизнь дороже. Особенно опасались семьи советских и партийных работников. Немцы их казнили в первую очередь, во многом из-за предателей или пособников, – выслужиться перед врагом хотели, сами новые должности получить. При любой власти, любом общественном строе всегда найдутся недовольные, обиженные. А советская власть вела себя жёстко, бесцеремонно, при раскулачивании, по идеологическим мотивам да просто из-за непролетарского происхождения, потому предателей хватало.

Илья ничуть не сожалел об убийстве уголовника. Блатной да при оружии – зло. Будет безнаказанно, пользуясь тяжёлым положением страны и временным отсутствием какой-либо власти, заниматься преступным промыслом – грабить, насиловать, убивать.

В деревне, по крайней мере в избе, куда он постучался, встретили доброжелательно. Накормили пшённой кашей, дали хлеба, налили кружку парного молока. Илья поел, хозяева – муж с женой, лет пятидесяти, смотрели жалостливо.

– Где же твоя часть, товарищ боец?

– Не знаю. Пока немец силён. Техники у него много, прёт. Но это временно. Остановим, перемолотим, вперёд пойдём. Так что война долгой будет и тяжёлой.

– Говорят, Минск под немцем, – неуверенно сказал хозяин.

– Под немцем, правда. А вот Москву не сдадут, точно говорю.

– Сынок, как думаешь – уходить нам?

– Если не жалко хозяйство бросить, имущество нажитое, уходите. Однако немец опередит. Вы пешком, а он на машине, на танке.

– Вот и я так думаю, – вздохнул хозяин.

– Спасибо за угощение, – поднялся Илья из-за стола.

– Полина, хлебца отрежь бойцу да сала дай, – сказал хозяин.

Тут же небольшое лукошко нашлось, туда половину каравая хлебного уложили в тряпице, кусок солёного сала, пучок зелёного лука, редиску. Хозяин, может быть, и больше бы дал, да бедно в деревнях жили. Илья и этому рад. День-два о еде думать не придётся. Из деревни, вёске по-белорусски, на запад двинулся. Можно немцев и здесь ждать, всё равно придут, да натура у него активная. Зачем ждать, когда за это время врагу урон нанести можно? Он военный, присягу давал страну защищать, пусть и ценой жизни. Значит – пришёл его черёд. В своё время страна о нём заботилась, обучила, кормила-одевала, денежное довольствие приличное платила. Теперь долг возвращать надо, желательно с лихвой. Пусть страна другая – СССР, а не Россия. Земля-то одна и люди.

Подкрепившись у добрых людей, Илья направился на запад. Там враги, там его место. Но уже километров через десять наткнулся на группу красноармейцев. Причём неожиданно. Вышел на поляну, а с другой её стороны наши бойцы, до отделения. Сборная солянка, потому что петлицы разных родов войск. У троих – пехотные, красные, у двоих – чёрные, с эмблемами связистов, а остальные из БАО, батальона аэродромного обслуживания, у них петлицы голубые. На всех одна винтовка. От неожиданной встречи замерли. Илья среагировал первым.

– Я свой, русский. Откуда идём, бойцы?

Сразу напряжение спало. На середине поляны сошлись. Старший в отделении из БАО, сержант.

– Мы из-под Сморгони выбираемся.

Бойцы на лукошко поглядывают. Илья томить не стал.

– Чем богаты, тем и рады.

Порезал ножом хлеб, сало. Каждому по бутерброду досталось. Как поели, приободрились. Сержант спросил.

– Не подскажете, где наши?

– В Лепеле, точно, сам видел. Вот по этой дороге, не сворачивая. А где немцев видели?

– У Молодечно, восточнее километров десять.

Отдохнув, бойцы поднялись. Сержант к Илье подступился.

– Оружием, вы смотрю, богаты, не поделитесь?

– У вас же трёхлинейка есть!

– Антураж. К ней ни одного патрона.

Илья достал из набедренного кармана револьвер, протянул сержанту.

– В нём всего два патрона, учти.

– Спасибо.

Сержант «наган» за пояс брезентовый сунул.

– Вы не с нами?

– К Минску пойду.

– Занят он, связисты едва выбраться смогли, – предостерёг сержант.

– За совет спасибо, но мне туда.

Разошлись. Неизвестно, что сержант об Илье подумал. То ли задание специальное, то ли сдаваться идёт. С войной вся «накипь» голову подняла. Так всегда бывает в тяжёлую годину. Но Илья доволен. Бойцы, которых он встретил, не по хуторам разбежались, лихое время переждать, а к своим идут. Стало быть, присяге и долгу верны. Из таких хорошие вояки получаются.

День яркий, солнечный. Никакого компаса не надо, иди за солнцем, получится на запад. К вечеру вышел к пересечению железнодорожной ветки Полоцк – Молодечно – Минск и автомобильной дороги Борисов – Докшицы – Мядель. Залёг на опушке леса понаблюдать. Как автоколонна покажется, будет понятно кто: наши или немцы? Видел он уже немецкие грузовики – большие, тупорылые, почти все крыты брезентом для защиты груза или солдат. Несколько минут на дорогах движения не было, потом показалась колонна автомашин. Точно наши – полуторки, «ЗИСы», все нагружены. Через несколько минут вой моторов, налетели «Юнкерсы». Автоколонна встала, люди из машин бежали в стороны от дороги, укрывались в кювете, канавах, ямках. Пикировщики успели сделать один заход.

Появился наш «И-16», прозванный в войсках «Ишачком». Подловил выходящего из пикирования «Юнкерса», подобрался поближе и открыл огонь. Хвостовой стрелок пикировщика попытался отстреливаться, меткой очередью сражён был. «Юнкерс» задымил под восторженные крики людей из автоколонны. Но не вспыхнул, не рухнул, повернул на запад. Остальные пикировщики рассыпались в стороны, спасаясь. Из-за тучи, с высоты, пикировали два «мессера». Видимо, на прикрытии были, пропустили «Ишака», теперь пытались сбить. Наш «И-16» чужих истребителей не видел. Настойчиво атаковал дымящий «Юнкерс», пытаясь добить. Все самолёты скрылись за лесом, стали не видны. Люди вернулись к машинам, автоколонна продолжила путь. Илья перебежал дорогу, углубился в лес. Для себя решил – пойдёт до сумерек, потом спать. Через час стало темнеть. Илья стал подыскивать место, и вдруг голос сверху.

– Эй!

Илья поднял голову. На дереве висел парашют, под ним на стропах лётчик.

– Помоги спуститься, боец!

Илья прикидывать стал, как лётчика спустить. Ножом срезал толстую ветку с коротким сучком, вместе с ней полез на дерево. Лезть, держа в одной руке ветку, затруднительно. Сразу выход нашёл – сучком цепляется за вышерастущую ветку, лезет сам, снова перецепляет импровизированный крюк. Забрался выше лётчика, полез к куполу парашюта, стал крюком подтягивать шёлковый купол к себе. Скользкий материал этот шёлк и прочный. Пока удалось купол поближе подтянуть, сам чуть не сорвался с дерева. Высоты Илья с детства побаивался. Затем принялся орудовать ножом, подрезая стропы. Причём не все резал, только с одной стороны. Под весом тела лётчика купол стал съезжать вбок, пилот рывком опустился ниже на добрых пять метров. С каждой минутой видимость хуже, солнце уже наполовину за горизонт ушло, освещает только верхушки деревьев. Ещё две стропы разрезаны и снова рывок пилота вниз. Трещали ветки, сыпались листья. Илья боялся одного – парашют может сорваться с веток и лётчик рухнет на землю. Пилот на уровне десяти метров над землёй – вполне достаточно, чтобы сломать ноги или повредить позвоночник. Действовал осторожно теперь. Перережет стропу, подёргает купол. Вот так, рывками по метру, а то и по половине его, удалось опустить лётчика метров до двух. Пилот сказал.

– Я подвесную систему расстегну и спрыгну, ты парашют стяни. Утром немцы с воздуха обнаружат, солдат пришлют, было уже так.

И без совета пилота Илья сделал бы так же. Когда в училище были парашютные прыжки в тыл условного противника, инструктор наставлял:

– Парашют после приземления обязательно собрать и спрятать. Замотайте в него камни, утопите в реке или болоте, укройте в яме, забросайте листвой или землёй. Для противника обнаруженный парашют – как подарок судьбы. Долго ли прочесать район приземления? Спрятали и быстро уходите. Если случайно парашют обнаружат, поблизости вас быть не должно.

Правда, прыжков было всего три. Всё же Илья обучался не в парашютно-десантном училище. А вот с вертолёта высаживался часто, и посадочным способом, и прыжками с малой высоты на висении вертолёта, и на тросе, там, где посадка невозможна, например в гористой местности.

Пилот расстегнул ремни, упал на землю, завалился набок, выругался.

– Крайний полёт неудачным выдался. В эскадрилье один самолёт оставался, да и тот сбили.

Илья с трудом сдёрнул купол с веток. Вдвоём скомкали его, бросили под дерево. Если завтра найдут по великой случайности, оба далеко от места приземления будут. Парашют опасен, когда его купол виден с высоты, как знак, своего рода сигнал.

– Давай познакомимся, – шагнул к Илье пилот. – Сержант Деев.

– Сержант Сафронов, – назвался чужим именем Илья.

У него при себе красноармейская книжка, пусть будет Сафронов. В спецслужбах секретность личных данных на уровне, вбита почти на подсознательном состоянии. А ещё для Ильи было удивительно, что пилот имеет сержантское звание, а не офицерское. Несуразицу позже исправили. А то получалось иной раз, что в бомбардировщиках, где экипаж несколько человек, командир воздушного судна – старшина, а его подчинённый штурман – капитан.

– Сафронов, мы где?

– Насколько я знаю, немцев здесь нет.

– Отлично! К какой-нибудь дороге или селу можешь вывести?

– Запросто, но только утром.

– Хм, в полку беспокоиться будут. По времени я уже сесть на аэродроме давно должен.

– В темноте свои могут подстрелить.

– Резонно.

Пилот улёгся на свой разодранный парашют, Илья недалеко под сосной. Лётчик утром проснулся мокрый от выпавшей росы, а Илья сухой. Пилот посмотрел на Илью, укорил.

– Мог бы подсказать сухое место.

– В следующий раз под густой сосной, а лучше – елью, у неё ветви ниже и гуще, даже в дождь сухим остаёшься.

– Ладно, не сахарный, не растаю. Веди.

Илья повёл его назад, где пересекались автомобильная и железнодорожная ветки. Когда к полудню выбрались, лётчик сразу вышел из леса. Илья дёрнул его за руку.

– Куда? Ложись, понаблюдать надо.

– Ты же говорил – свои здесь.

– Обстановка меняется быстро, тебе ли не знать, летун?

– Поторопился, прости. А ты из каких войск?

– Инженерные.

Видимо, пилот кое-что знал: посмотрел на Илью пристально, но расспрашивать не стал. Перед войной были созданы особые батальоны, фактически для диверсионно-разведывательной деятельности в тылу врага в случае войны. Для маскировки числились за инженерными войсками, петлицы носили соответствующие.

На дороге показались машины, скромная автоколонна из четырёх грузовиков. Присмотрелись – наши полуторки, как называли грузовики «ГАЗ-АА», грузоподъёмностью полторы тонны. Немцы использовали наши трофейные «ЗИС-5», ценили их за неприхотливость, хорошую проходимость по скверным дорогам. А вот полуторки немцы не жаловали. Вообще у немцев в армии была техника разных стран: грузовики, легковушки, танки – и чешские и французские, пушки – чешские, у немцев свои были хорошего качества и в достатке. Самолёты только свои, поскольку почти до конца войны превосходили и советские и английские и были вровень по ТТХ с американскими. А с выходом на поля сражений реактивных самолётов никто не мог сравняться с ними в скорости,

самом главном качестве истребителя. Однако выпущено их было мало, опытных пилотов не хватало, и большой роли реактивная авиация не сыграла.

Разом поднялись, побежали к дороге, чтобы успеть. Встали прямо у проезжей части. Из кабины, с пассажирского сиденья, встала на подножку девушка в военной форме, на рукаве белая повязка с красным крестом.

– Раненые у меня, освободите дорогу.

Илья к санитарке подошёл.

– Лётчика сбитого забрать надо.

– Некуда, сунь нос в кузов.

Илья заглянул. В кузове не то что сесть, встать негде. Тяжёло раненные лежат, на бинтах кровь запеклась, сидят с ранениями в руки или ноги, в голову. Илья рукой махнул.

– Езжайте.

Колонна тронулась, оба посреди дороги стоять остались. Грузовики ещё скрыться не успели, как налетели «мессеры». Колонну расстреливали из пушек и пулемётов, сделав несколько заходов. Пилот смотрел, сжав кулаки.

– Да что же это творится? Видели же, что раненые.

– Им всё равно, доложат в штабе, что автоколонну разгромили.

Показался мотоцикл-одиночка, у бойцов остановился по взмаху руки.

– Земляк, куда едешь?

– В Плещеницы.

– Подбрось до любого города, позарез нужно.

– Садись, только держись крепче.

Только лётчик уселся сзади водителя, мотоцикл рванул. Илья снова остался один. Некоторое время шёл по дороге, но не на восток, а на юго-запад. Навстречу прополз тягач «Комсомолец», волочивший за собой танк БТ с пробоинами в башне.

Илья проводил танк взглядом. Зримое подтверждение ошибочности военной доктрины. До войны считалось, что танк должен быть быстроходным для совершения прорывов и рейдов по тылам врага. А сейчас немцы совершают эти рейды по нашим тылам. Хорошо, нашлись здравомыслящие конструкторы. На Харьковском танковом заводе – Морозов и Кошкин, создавшие отличный средний танк Т-34, и Котин, сконструировавший тяжёлый КВ в Ленинграде и выпускавшийся на Кировском заводе, бывшем Путиловском. У обоих хорошая броня, только пушка у КВ слабовата для тяжёлого танка. А ведь предлагал конструктор пушек Грабин для КВ свою пушку. Местничество подвело: на КВ изначально поставили Л-10 конструктора Махонина, ленинградца. Пушка обладала дефектом, в процессе производства пришлось её срочно менять на Ф-32 Грабина.

Мимо Ильи проследовала колонна грузовиков, в кузовах – беженцы. Женщины, дети, старики. Пожалуй, пора убираться с дороги. Мало того, что пыльно, так ещё и под обстрел попасть можно. Самолёты противника не всегда разглядеть успеваешь, скорости высоки, да ещё у немецких лётчиков привычка – заходить в атаку со стороны солнца, когда их не увидишь. Сориентировался по карте, совсем рядом грунтовка на село Мамоны. Туда и свернул. Судя по карте, за селом лесной массив тянется до Ошмян. Перед селом осмотрелся, противника не обнаружил, вошёл. Постучался в первую же избу, попросил поесть. Дело к вечеру, а у него хлебной крошки во рту не было. Вышла средних лет бабёнка, пригласила в избу. Поставила без просьб на стол варёной картошки, редиски, хлеба. Пока Илья ел, стояла в стороне и смотрела жалостливо. Насытившись, Илья поблагодарил. Набравшись смелости, спросил – не найдётся ли бритва. Пять дней не брился, щетина отросла чёрная, вид неопрятный, а он привык держать себя в форме.

– Есть, от мужа осталась.

– Муж-то где?

– На третий день с начала войны призвали.

– Солдатка, значит.

Женщина принесла бритву опасную, помазок, малюсенький кусок мыльца. До сего дня Илья брился станком, опасная бритва непривычна. Длинная, с ручкой, острая. Но бреет чисто. Правда, немного порезался. Зато почувствовал себя человеком. Ещё бы помыться, но для этого баню топить надо, что долго.

– Спасибо, хозяюшка. Желаю, чтобы мужа встретила с победой. Ребятишки есть ли?

– Не дал Господь! А ты заходи, если недалеко будешь. Меня Полиной звать.

– Может, и свидимся.

Прошёл пару километров, в лесу остановился на ночёвку. Обустроив лёжку под елью, поблагодарил мысленно случай, что в Белоруссии оказался. Лесной край во время войны стал партизанским. Ситуация в этом плане на Украине хуже: в центральной и восточной её части лесов нет, перелески да ветрозащитные полосы, укрыться негде. Только на западе бывшей республики густые леса, но и там партизан не было из-за действий националистов. Хотя самый известный партизанский отряд – Ковпака – появился и активно действовал там.

Пока лежал на подстилке из хвои, припоминал историю. Кстати, какое сегодня число? Вроде 29, а может и 30 июня. Точно помнил, что 29 вышло постановление об образовании партизанского движения на временно оккупированных территориях.

Глава 3

«Бои местного значения»

Утром проснулся от прохлады. Солнце уже поднялось, а в лесу влажно из-за тумана. Одно радует – самолёты не летают. Сделал лёгкую физзарядку – приседания, отжимания, махи руками и ногами. Надо бы ручей найти или речку, умыться, попить воды. Через сотню метров вышел к просеке. Посередине её столбы, идёт телефонная линия. Остановился осмотреться, это уже в привычку вошло. Слева показались две фигуры. Когда приблизились, увидел форму на них красноармейскую. Хотел выйти, да повременил. У бойцов через плечо сумки, такие носят связисты, у одного карабин за спиной, у другого револьвер в кобуре. Чего им здесь делать? Или обрыв проводов ищут? Бойцы дошли до столба, остановились. Первый сумку на землю аккуратно положил, снял ремень поясной, а дальше непонятное. Передвинув пряжку, удлинил ремень, опоясал столб и себя. Илья в удивлении. Не видел он таких «хитрых» ремней в армии. Боец на столб полез, причём не так, как это делают на Руси. Во время гуляний на Масленицу есть такая забава. Наверху ошкуренного бревна, врытого в землю, вешают ценный приз. Кто из желающих сможет влезть и достать, тому и приз. Взбирались парни, охватив столб ногами и руками. А у бойцов-связистов для подъёма на столбы «кошки» есть, которые на ноги одевают. Этот же странно взбирался. Откинется спиной на ремень, как на опору, ноги выше передвинет, вроде и немного, на двадцать-тридцать сантиметров. Да так ловко получается! Видел нечто похожее Илья по телевизору. Так негры взбираются на пальмы сбрасывать кокосы. Взобравшись наверх, боец откинулся на ремне, достав из кармана складной нож, зачистил провода от изоляции. Затем подключился к ним зажимами-крокодилами и одел наушники. Илья выжидал. Действия связистов показались странными. Пять минут прошло, десять. Связист на столбе сдвинул рукой в сторону один наушник, сказал тому, что внизу стоял:

– Телефонирен!

Так это же на немецком, а форма наша. Диверсанты! Прослушивают переговоры. Раций в войсках мало катастрофически, переговоры военных и гражданских руководителей велись по телефону. Шифраторов-дешифраторов не существовало, но сам разговор пытались как-то превратить в безобидный. Вроде: «седьмой, в квадрате 14–27 положение угрожающее. Прошу подмоги, хотя бы две-три коробочки». Под коробочками понимали танки. Но немцы о подобных ухищрениях знали.

Илья после словечка связиста сразу решил убить обоих. Одного сразу, а второго допросить по возможности. Выцелил того, что на земле, дал короткую очередь. Боец упал, а Илья к столбу помчался, автомат вскинул, приказал.

– Спускайся! Попробуешь оружие достать, застрелю, как твоего камрада. Так и будешь висеть на столбе до конца войны.

Связисту на столбе укрыться негде, ноги в опоре задействованы и весь на виду. Полезь он в кобуру, Илья выстрелит не задумываясь. И промахнуться только слепой сможет. Связист провода отцепил, стал медленно спускаться на землю, а сам по сторонам поглядывает. Не товарищей ли своих ожидает увидеть? Как только лжесвязист опустился, Илья револьвер из его кобуры вытащил, нож из кармана, обыскал.

– Что на столбе делал?

– Неисправность искал, пропала связь. Я свой, можете посмотреть документы, они в левом нагрудном кармане.

– Сумку свою подбери и иди к лесу.

Когда лжесвязист повернулся спиной, сделал пару шагов, Илья стащил карабин с плеча убитого. Негоже оружию валяться. В лесу Илья приказал – стой!

Связист исполнил, а сам голову поворачивает.

– Стой прямо, а то башку прострелю!

Лжесвязист говорил с ним у столба по-русски чисто, пожалуй – академически чисто. У рядового бойца такого разговора, как у философа, не будет. Ударения в словах чёткие, все буквы проговорены чисто. Хорошо говорит, но русский этому типу не родной. Если бы не слышал от связиста слово на немецком, подумал бы – свой.

– Два шага вперёд и встань на колени.

Связист исполнил. Илья сумку осмотрел. Всё как в сумке настоящего связиста – пассатижи, кусачки, куски телефонного провода с крокодилами на концах, моток чёрной изоленты. Вытряхнул всё на землю, начал ощупывать брезентовые стенки сумки. Вроде что-то есть. Ничтоже сумняшеся, достал складень из кармана, который у связиста отобрал, вспорол брезент. Какая-то бумага.

Развернул – текст на немецком. А прочитать не может! Досадно до зубовного скрежета. Но всё же бумага косвенно подтверждает – немец перед ним. Илья пнул связиста по рёбрам.

– Отвечай, сука! Из какого подразделения?

– Инженерно-сапёрный батальон, отделение связи.

– Ещё один не правильный ответ и я тебе прострелю башку! – пригрозил Илья.

– Я правду говорю! Батальон немецкий, диверсионно-разведывательный. Все военнослужащие хорошо владеют русским языком.

Тьфу! Илья подумал, что немец легенду излагает.

– С каким заданием заброшен?

– Рвать линии связи, подслушивать телефонные переговоры.

– Ну, подслушаешь, дальше что? Разведчик без связи – пустое место, ноль.

Илья немцу не верил, уж очень быстро он поплыл, начал рассказывать. А жёсткого допроса, с членовредительством, не было. Немца щадить он не собирался. Немец – враг, непрошеным гостем пришёл. Кроме того, сдать его в лагерь для военнопленных не было никакой возможности, поскольку лагерей таких на советской территории не было. Немцы создать успели, поскольку пленили десятки тысяч военнослужащих Красной Армии. Политруков и евреев расстреливали сразу. У политработников на левом рукаве пришита красная суконная звезда. Хоть спори её, а след останется.

А силу на допросе и применять не пришлось. Сослуживец немца был убит и лжесвязист добровольными показаниями старался заслужить право на жизнь.

– Есть связь, – признал немец. – В деревне Марково, семь километров отсюда, есть наш радист. Заброшено несколько групп, каждая в случае получения важной информации обязана сообщить радисту, а он в штаб.

Илья сообразил сразу. Сообщения шифроваться должны. Редко бывает, что радист и шифровальщик одно лицо.

– Радист один или шифровальщик есть?

– Есть.

– Как их найти?

– В здании сельсовета. Советский-то председатель сбежал.

– Транспорт есть?

– Грузовик крытый, «ЗИС-5». Все в красноармейской форме. Жители деревни думают, что мы русские, даже поесть приносят.

Немец не сдержал ухмылки.

– Что-то вас слишком много для порчи линий связи. Что ещё в задании?

Немец помедлил и тут же получил удар носком берца по позвоночнику, между лопаток. Удар сильный, болезненный. Немец не смог сдержать стона.

– Взорвать железнодорожный разъезд Тюрли, который южнее Молодечно, надо.

Илья свою карту открыл, нашёл на ней разъезд с таким названием. Ого! Взорвав станционные пути, а скорее всего – стрелочные переводы, можно парализовать железнодорожное движение на пересекающихся ветках Минск – Вильнюс и Витебск – Лида – Свислочь. Тогда у Красной армии и Советской власти будут проблемы с эвакуацией по железной дороге предприятий и подвозу техники и боеприпасов. Удар просчитанный, точный. И наверняка разъезд плохо охраняется или не охраняется совсем.

– Когда, сколько человек задействованы, где взрывчатку брать будете?

– Подрывников двое, опытные специалисты. Взрывчатку привезли на грузовике.

– Как выглядят подрывники?

– В форме НКВД, таких проверить побоятся. Один лейтенант, второй рядовой, у рядового «ППШ».

Ух ты! Их и в РККА мало!

– Когда намечен взрыв?

– При получении сигнала по рации.

– Только не понял я что-то. Зачем рвать, если немцы собираются вскоре занять эту территорию?

– Ваша железнодорожная колея всё равно не подойдёт, она шире. Переделывать придётся.

Да, всё верно, просчитано, немцы педанты.

– Ещё что сказать хочешь?

– Всё сказал.

Илья выстрелил ему в голову, немец упал. Надо бы прощупать эту деревушку. Немцы, изображавшие связистов, наверняка к вечеру должны были вернуться в группу. Если не придут, это повод для тревоги, группа снимется с места, и ищи-свищи её потом. Илья почувствовал некоторое возбуждение, азарт. Начиналась знакомая работа. Хоть и не террористы эта группа, а диверсанты, обучены лучше, тем хуже для них. Минус два из группы, уже хорошо, а ведь парни обученные, не чета нашим призывникам, у которых в красноармейской книжке запись «годен к строевой, не обучен». Не обучен, стало быть – воинской специальности нет, тому один путь – учебная рота и маршевый батальон, в пехоту.

Илья вернулся к убитому у столба. Обыскал его, и не зря. В нагрудном кармане компас обнаружил, с откидной крышечкой и визиром, с ремешком для ношения на руке. Сразу на правую руку себе нацепил, на левой – свои часы, механика с

автоподзаводом. Определился с направлением, направился к цели. Полтора часа ходу, и он у деревни. Всё так, как описал немец. У избы грузовик крытый стоит, рядом с крыльцом висит на флагштоке советский красный флаг, болтается на ветру. Илья понаблюдал четверть часа. Один раз из избы вышел красноармеец, залез в кузов, вернулся в избу с вещмешком. Наверное – жратву понёс. Со стороны посмотреть – ничего необычного. Стал обдумывать план. Сейчас главное – узнать, сколько человек в избе, потому как стрелять нежелательно, селяне могут всполошиться. А время поджимало. К вечеру парочки лжесвязистов или подрывников могут вернуться на базу, к сельсовету. Одному, даже из автомата, перестрелять подготовленных диверсантов сложно, а скорее всего, невозможно. Кто-то успеет применить своё оружие. Зайти, не таясь, в избу и потребовать документы для проверки? Можно схлопотать пулю. Был бы помощник расторопный, а то он один. Стало темнеть. В окне сельсовета появился свет, не электрический, колеблющийся, от свечи или керосиновой лампы. Наверняка такие в сельсовете были. Когда стемнело, Илья перебежал к грузовику, залез в кузов. Темно, как в пещере. Начал руками ощупывать. В передней части кузова нащупал несколько вещмешков. В одном – банки, консервы. В двух других продолговатые бруски. Тол! Не соврал немец про взрывчатку. Только диверсионная группа не использовала его ещё, ждала сигнала. Подрывники наверняка на рекогносцировку ушли. Надо определить места закладки взрывчатки, чтобы нанести максимальный ущерб. Илья подобрался к задней стенке кузова, собираясь покинуть машину. Послышались шаги. Илья вытащил нож, прижался к борту. Человек ухватился за борт, подтянулся, подпрыгнул. Момента лучше не будет. Илья ударил противника ножом в лицо. Нож вошёл по самую рукоять в глазницу, кисть Ильи обильно оросила чужая кровь. Немец без звука рухнул ничком на пол кузова, только ноги ниже колен остались снаружи. Илья ухватился за ворот гимнастёрки, оттащил тело к переднему борту. Кто это? Подрывник, вернувшийся с разъезда? Тогда врагов в избе трое. А если шифровальщик или радист, тогда в сельсовете один. Разница существенная. Поколебавшись, выбрался из машины, подкрался к избе, прилип к окну. Осторожно, только одним глазом, осмотрел. На столе свеча и в комнате никого. Куда делся второй? Ступая беззвучно, подошёл к двери. В этот момент она распахнулась, на крыльцо вышел человек в военной форме. Илью он видеть не мог, он оказался за дверью.

– Лентяй! – пробормотал человек. – Вернёмся, напишу докладную.

И мужчина сделал шаг вперёд. Видимо, почувствовал за стеной чужого, а может – унюхал, кто знает? Начал поворачиваться, Илья понял – медлить нельзя, ударил ножом в правый бок, в печень, выбора не было. Тут же ножом сверху, в

подключичную ямку. Не совсем то, смертельный удар наносится слева, но враг стоял к нему правой стороной. И всё равно удачно вышло, диверсант упал, захрипел, и Илья добил его ударом в сердце. Нож убрал в ножны, вытащил из кобуры пистолет, неслышно ступая, вошёл в избу. В коридоре полоса света из приоткрытой двери. Осмотрел – никого нет. Открыл дверь – комната пуста. Подхватил убитого за ноги, втащил в коридор, бросил. Затем прикрыл наружную дверь на засов, кинулся в комнату. Надо осмотреть. В углу, на табуретке, стояла, попискивая, рация. Сначала решил разбить. Руку протянул, а из наушника знакомый голос Левитана.

– Говорит Москва. Сегодня, 29 июня, наши войска продолжали упорные бои …

Илья не дослушал, выключил рацию. Нет, разбивать он её не будет. Рация батарейного питания, поработает какое-то время на приём. Выключил её, под табуреткой валялся вещмешок. Уложил туда рацию, а к ней отдельно ещё блок питания. Быстро обшарил комнату, обнаружил наполовину исписанный карандашом блокнот. Группы цифр, наверняка шифрованная радиограмма. На столе бутылка водки початая. Сделал крупный глоток. Водка тёплая, противная и закуски никакой. Обыскал убитого. Командирская книжка, выпачканная кровью, расчёска, толстая пачка советских денег.

Забрав рацию, задул свечу, приоткрыл дверь на улицу, прислушался. Тихо. Рацию в кабину уложил, на сиденье, потом перебрался на место водителя. Ключ торчал в замке зажигания. Впрочем, замок примитивен, можно провернуть отвёрткой, концом ножа. Завёл мотор, вытянул на себя включатель фар. Они уже по-фронтовому в чехлах с узкой прорезью, видимость на двадцать метров и пучок света тусклый. Угнать грузовик мысль пришла в последний момент, когда на крыльце с рацией стоял. Не тащить же на себе тяжёлую рацию и блок питания. А ещё не хотелось бросать «сидор» с консервами. На малом газу, на второй передаче, въехал в лес по тропинке. Селяне её использовали для походов за дровами, грибами, ягодами. Тележка селянина проезжала бы легко, а грузовик протискивался, ломая ветки. Потом тропинка вывела к просеке. Проехал по ней километров пять – семь, загнал грузовик в чащу, чтобы с просеки видно не было и сверху, с самолёта. Взяв в руку пистолет, откинулся на спинку сиденья. Неудобно: сидение просиженное, пружины выпирают. Как на таком сиденье водители большие расстояния проезжали? Или изменила его прежняя жизнь? Вздремнул до рассвета, часика три получилось. Не полноценный сон, но отдых взбодрил. Забросив провод антенны на ветку, включил рацию. Зашипело, затрещало, в эфире помехи. Ровно в шесть утра сообщение Совинформбюро.

Илья жадно слушал новости. Хотя бы узнать о линии фронта. Но известия были расплывчатые. Опять говорили про упорные бои. Единственно, что уяснил, в Белоруссии бои велись на Слуцком направлении. О Минске, Молодечно, Борисове – ни слова. Но слышать советского диктора было приятно. Сразу училище своё вспомнил, сослуживцев по отряду. Эх, сюда бы весь отряд, задали фашистам перцу! Но, увы, действительность не радовала. Забрался в кузов, вытащил на природу рюкзак с провизией. О! Богато снабдили диверсантов харчами! Причём все советского производства, видимо – захвачено на продскладах. Тушёнка, каша с тушёнкой, частики в томате, сухари в вощёной бумаге. Случись проверка на дороге – ничего подозрительного. А как же взрывчатка? Илья полез в кузов, развязал горловину сидора. Точно, тротил в брикетах и тоже отечественного производства. Хорошо подготовились фрицы! Полдня просидел в машине, отдыхал. Слушал рацию, ел консервы. С тяжким вздохом покинул грузовик. На своей карте карандашом метку оставил в виде точки. Будет туго – можно вернуться. Кто найдёт грузовик в глухомани? Только если случайно.

Двигался не по просеке, а сбоку её, между деревьями. Вроде не намечал себе цели, а вышел к разъезду Тюрли. Ошибиться никак нельзя, поскольку на здании маленького вокзала надпись есть. Илья за деревьями сидел, между ним и перроном и вокзалом станционные пути. Слева и справа на удалении пятьсот метров стрелки и будки стрелочников. По рельсам туда-сюда мельтешит маневровый паровоз, довольно кургузого вида, без тендера, толкает вагоны. На платформах несколько подбитых танков стоят, а ещё укрытые брезентом станки и оборудование эвакуируемых заводов. А рядом со станками люди в рабочей одежде, тоже в тыл страны выезжают. Невелик разъезд, а народу много, пожалуй – в мирное время такого людского наплыва не было. На станционные пути вкатился со стороны Витебска эшелон. За паровозом теплушки, на стенке которых надпись «Восемь лошадей или сорок человек». Теплушки небольшие, двухосные. Илья таких раньше не видел никогда. Эшелон встал, из него высыпали люди, бросились к станционному зданию за кипятком. У всех в руках ёмкости – чайники, молочные бидоны, железные кружки. На левой торцевой стене вокзала два крана – с холодной и горячей водой. Паровоз же заправлялся из огромной колонки: вода мощной струёй текла в цистерну тендера. Десяток минут, и паровоз, набрав воды, дал гудок к отправлению. Кто успел набрать воды, а кто и нет, все кинулись к теплушкам. Поезд ушёл, перестал заслонять перрон. Илья на дерево взобрался, невысоко, метра на три, на нижнюю, самую мощную ветку. Отсюда видимость лучше. А высматривал он диверсантов, переодетых сотрудниками НКВД. Двое их должно быть. Нет искомых фигурантов на перроне, вообще мужчин в военной форме единицы. Или они в здании вокзала? Решил повременить. Ему на вокзал нежелательно. Если диверсанты

там, «срисуют» его. А ещё может быть милиционер, который попросит документы. Светиться не хотелось.

И всё же он увидел тех, кого высматривал. От будки стрелочника шли к вокзалу двое. По описанию убитого диверсанта – именно те. Один в фуражке с васильковым околышем, второй на голове пилотку имел, на плече ППШ. Сведения скудные, но других нет. Сотрудники НКВД на перрон поднялись, стали проверять документы у немногочисленных военнослужащих. Гражданских не замечали. Мысль мелькнула у Ильи. Не просматривают ли воинские документы, чтобы определить, есть ли секретные знаки? С началом войны в командировочных предписаниях, вещевых, денежных и продовольственных аттестатах ещё при печати в типографии наносились едва заметные изменения – то точку не напечатают в конце предложения, то вместо мягкого знака – твёрдый, вроде опечатка. Кому надо – сотрудникам НКВД, войскам по охране тыла, военной контрразведке – эти изменения были известны, доводились до заинтересованных лиц оперативно. С января 1943 года появился знаменитый «Смерш», который тоже имел свои ухищрения.

Поскольку Илья служил в силовом подразделении, вступал в боестолкновения с террористами. Злые, жестокие, хитрые, но подготовка хромает. Немцы же к обучению своих подразделений подходили тщательно, готовили долго. Это касалось всех родов войск. У нас во время войны лётчик-истребитель имел к моменту выпуска 20–30 часов самостоятельного полёта, а у немцев – 300! Разница существенная. Так же у танкистов, артиллеристов. Поэтому обоих диверсантов в форме НКВД Илья лёгкой добычей не считал. И ещё беспокоило – почему они на разъезде? Если бы на ночь возвращались на временную базу, в сельсовет села Марково, насторожились, а то и вовсе отказались от подрыва на разъезде. Камрады убиты, рации нет, грузовик с взрывчаткой исчез. А эти преспокойно на разъезде разгуливают. Ночевали здесь и не в курсе происшедших с группой событий? Диверсанты по перрону перемещались, Илья сожалел, что нет бинокля. Видел полевой восьмикратный в разгромленной автомашине, да не взял. Подумал – к чему лишняя тяжесть? А теперь бы пригодился, да разве всё предусмотришь? Ближе к вечеру, по часам Ильи в семнадцать, диверсанты перешли рельсы, прошли в полусотне метров от чекиста, оглянулись несколько раз и в лес.

Всё же не настоящие это сотрудники. До этого момента червячок сомнений у Ильи был. Илья с дерева слез, отпустил диверсантов подальше, стал преследовать. Не приближался, прижимаясь к деревьям, перебегал. На

диверсантов не смотрел. Многие люди взгляд в спину чувствуют, не хотелось ему насторожить врагов. Диверсанты шли ходко. Когда километра три было пройдено, Илья стал сокращать дистанцию. До разъезда далеко, до деревни тоже, выстрелов никто не услышит. Драться в рукопашную смешно: их двое, наверняка ножи есть. Только стрелять, подобравшись поближе, чтобы наверняка. До чужаков полтораста метров. Один из диверсантов что-то почувствовал, обернулся, осмотрел внимательно лес, да не увидел ничего. А Илья броском разрыв сократил, уже семьдесят метров. Надёжное поражение из МР 38/40 метров с пятидесяти. Собственно, МР 38/40 не автомат, а пистолет-пулемёт. Ключевое слово пистолет, поскольку огонь ведётся пистолетными патронами, от Борхард – Люгера, начальная скорость пули невелика. Дальше ста метров огонь вести – только боезапас попусту тратить. Илья ступал осторожно, перекатывал ступню с каблука на носок. Быстро и тихо одновременно идти утомительно. Всё, пора стрелять. Уложил для устойчивости ствол автомата на сучок, прицелился, дал короткую очередь, оба диверсанта упали. Илья, держа оружие наготове, помчался к ним, причём зигзагом. И когда уже недалеко был, раздался выстрел. Илья упал. Если один ранен, будет отстреливаться. Ползком крюк сделал. И один и другой недвижны. Илья встал, палец на спусковом крючке, подошёл. Командира он убил в спину, чётко видны два пулевых отверстия на гимнастёрке. А второго ранило в плечо, и он застрелился. В руке советский «ТТ», полчерепа пулей снесено. Наверное, думал – настоящее НКВД за ними следило и стреляло, боялся в плен попасть. Страшилки про эту структуру ходили серьёзные. Илья обыскал командира. Может, он и не главный, но фуражка на нём была. Осмотрел фуражку изнутри, карманы. Удостоверение от настоящего не отличишь. Фото, печать, подписи. Не побрезговал стянуть хромовые сапоги, вытащил подкладку, ничего предосудительного. У второго при тщательном досмотре обнаружил на папиросной пачке карандашные чёрточки, как зарубки на прикладе снайперской винтовки. Поезда считали или другое что-то? Было желание забрать автомат. Всё же «ППШ» обладает втрое большей дальностью эффективного огня, поскольку патрон «маузера», который в «ППШ» использовался, мощнее «парабеллумного». Подумав, отказался. Диск с патронами в автомате, ещё один в чехле у убитого на поясе. А где потом патроны брать? Трофейное оружие чем удобно? У врага боеприпасы забирать можно. Отошёл немного. О! Места-то знакомые. Где-то здесь грузовик с рацией и харчами. Вернулся к убитым. Поочерёдно затащил их в кусты малинника и бросил, а «ППШ» забрал. Жалко бросать, неплохое оружие. Его можно в кабине грузовика оставить, под дождь не попадёт, ещё верную службу сослужит. Грузовик притягивал как магнитом. Вскрыв банку тушёнки, начал есть мясо ножом, включил рацию на приём.

«…Продолжались бои местного значения. Письма с фронта…» – продолжил диктор. Илья на часы посмотрел, рацию выключил. По московскому времени восемнадцать, вроде Белоруссия по другому времени живёт, на час вперёд. Но это сейчас, а как во время войны? Илья точно не знал, решил часы не переводить. В конце концов вся немецкая армия, хоть в СССР, хоть в Польше или Франции, живёт по берлинскому времени. И воевать это обстоятельство вермахту не мешает.

Похоже, грузовик удобно иметь базой. И запасы провизии есть, недели на две, а то и три хватит, запасли-то для шестерых диверсантов, если не больше, вопрос только, на сколько дней рассчитывали? До подрыва разъезда? Номер не прошёл, так немцы могут забросить другую группу. Даже слово забросить не совсем верное. Единой линии фронта нет, авиаразведкой выяснили, где наши соединения оборону держат, да просочились по грунтовым, глухим дорогам. И рация в машине есть, а если дождь случится – укрытие. Летом долгих, затяжных дождей не бывает, не осень. Единственное но – наткнуться на грузовик любой может. По лесам кто только сейчас не шастает. Диверсанты, наши окруженцы, пробирающиеся к своим, местные жители в поисках грибов, ягод, сбора дров. Есть и печь топить зимой надо. Тем более из истории Илья знал, что предстоящая зима суровой будет, в Подмосковье не один день морозы за сорок градусов будут, да снега выпадут ранние и обильные. Но о зиме думать не хотелось. Без тёплого укрытия загнётся, грузовик не спасёт. К вечеру на юго-западе громыхать сильно стало. Сначала подумал – гроза надвигается. Так ветер в другую сторону дует и небо безоблачное. Только потом догадался – артиллерия лупит. Хоть и военный человек, а канонаду множества пушек слышал впервые. Его служба была – тихо и незаметно подобраться к месту, где укрываются террористы, бандиты. Там пушки не нужны. Посмеялся над собой, съел сухарь. Вполне съедобно, хотя хрустит так, что за кабиной звук наверняка слышен. А ещё за зубы боязно. То ли сухари хрустят, то ли зубы крошатся. А стоматолога днём с огнём сейчас не сыщешь. Вздремнул, откинув голову на заднюю стенку кабины. Проснулся, посмотрел на часы. Сводку Совинформбюро проспал, они шли в начале каждого часа.

Переночевав, отправился в сторону Олехновичей. Через посёлок железная дорога проходила, параллельно ей дорога шла. Поглядеть надо, наши там или немцы. Пару часов хода, и вышел точно к посёлку. Всё же компас и карта в незнакомой местности вещи необходимые, кто ими пользоваться умеет. Залёг на опушке. Через несколько минут на дороге колонна показалась. Когда техника приблизилась, разглядел во главе полугусеничный транспортёр, за ним здоровенные грузовики, как позже узнал – «Опель Блитц», самые

распространённые в вермахте. Колонну замыкал танк T-III. В начале войны его к средним причисляли, хотя позже средним стали считать T-IV, а затем и «Пантеру». С каждой моделью танка они становились крупнее и пушка солиднее. От вида чёрно-белых крестов кулаки непроизвольно сжимались. Чтобы враг вот так, как по своей земле, спокойно катил? Да не бывать такому. Растерянна наша армия, нового вооружения и техники не хватает, боевого опыта нет, командиры без указания сверху боятся проявить инициативу. Но пройдёт всё, армия воевать научится, тыл новую технику поставит. Будет ещё праздник на нашей улице. Только колонна скрылась, как в той стороне – два пушечных выстрела, пулемётная пальба, чёрный дым поднялся. Чёрный дым горящая техника даёт, горящие избы дым серый дают. Значит, на наших немцы натолкнулись. Гордость за своих появилась. Не все сбежали, кто-то насмерть стоит.

По плану «Барбаросса» немцы к осени Москву взять должны были стремительным броском. А не вышло, завязли в больших и малых боях, технику терять стали, живую силу и в Подмосковье силу свою уже растеряли.

Нападать на колонну – себе дороже. Но важное для себя обстоятельство получил – немцы уже здесь, он в чужом тылу и пора действовать. От дороги не уходил. Важно было узнать, какими силами враг наступает. Через полчаса прошёл полк самоходок. В Красной армии в начале войны самоходных артиллерийских установок почти не было, военное руководство их считало «недотанками» и даже писали в реляциях, когда захватывали немецкие STuG III – «танк без башни». В нашей армии САУ числились за артиллерией, а в немецкой относились к танковым частям. Самоходки в производстве дешевле танков и, хотя построены на танковой базе, вооружение несли более мощное, чем у донора. У немецкой пехоты САУ пользовались авторитетом, и ни одна атака пехоты не обходилась без участия самоходок.

Илья смотрел на проползающие по дороге самоходки, жалея, что нет гранатомёта. Только улеглась пыль от бронетехники, показалась пехота, да не пешком, а на велосипедах. Для Ильи удивительно: такого вида транспорта в РККА не использовали. На велосипедных багажниках сумки приторочены, у всех солдат карабины Маузера. Почему-то считалось, что немцы сплошь имели автоматы. Дорога не простаивала. Колонны техники шли одна за одной. Мощь большая, и много сил придётся потратить, чтобы превратить всё, что громыхало, ревело моторами в груду разбитого и оплавленного железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/gvardiya-v-ogon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити